

ЮРИСЛИНГВИСТИКА

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит четыре раза в год

Журнал основан в 1999 г.

№ 19

2021

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

А.А. Васильев, Алтайский государственный университет

Редакционная коллегия

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет, Алтайская лаборатория судебной экспертизы

Н.Д. Голев, Кемеровский государственный университет

Т.В. Чернышова, Алтайский государственный университет

М.В. Горбаневский, председатель правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам

А.М. Плотникова, Уральский федеральный университет, Уральский региональный центр судебной экспертизы

П.А. Манянин, Экспертно-криминалистический центр ГУ МВД России по Алтайскому краю

О.В. Барабаш, Научно-исследовательский институт фундаментальных и прикладных исследований Пензенского государственного университета

Н.Н. Шпильная, Алтайский государственный педагогический университет

Н.Б. Лебедева, Кемеровский государственный университет

Л.Г. Ким, Кемеровский государственный университет

Е.В. Кишина, Кемеровский государственный университет

Т.В. Дубровская, Пензенский государственный университет

Е.С. Аничкин, Алтайский государственный университет

Модератор журнала

С.В. Доронина, Алтайский государственный университет

Адрес редакции: 656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66, ауд. 413а.

Адрес издателя: 656049, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

Тел./Факс: 8 (3852) 296617. E-mail: doroninasv@filo.asu.ru

Адрес сайта журнала: <http://journal.asu.ru/index.php/urisl/index>

Адрес в системе РИНЦ: https://elibrary.ru/title_about.asp?id=31947

Журнал утвержден к печати объединенным научно-техническим советом АлтГУ.

ISSN 2587-9332

Рег. номер Эл № ФС77-78616 (решение от 30.07.2020 г.)

СОДЕРЖАНИЕ

Язык и право	
Батюшкина М.В. ОБЩИЙ ВЗГЛЯД НА РАЗВИТИЕ ЯЗЫКА ПРАВА И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ТЕКСТОВ	5
Кожевникова Е.И. О НЕКОТОРЫХ ТЕНДЕНЦИЯХ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ В ФЕДЕРАТИВНОЙ РЕСПУБЛИКЕ ГЕРМАНИИ	15
Юридическая техника	
Канакова А.Е. ПРОБЛЕМЫ СОДЕРЖАНИЯ КОНСТИТУЦИОННОЙ КАТЕГОРИИ «ТРУД»	20
Синкин К.А. ПОНЯТИЕ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ОРГАНАМИ И ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ, ОСУЩЕСТВЛЯЮЩИМИ РАССЛЕДОВАНИЕ ПО УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ	25
Лингвоэкспертология	
Доронина С.В. ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ КАК ИНСТРУМЕНТ ЭКСПЕРТА-ЛИНГВИСТА	28

CONTENTS

Language and Law	
<i>Batuyshkina, M. V.</i> GENERAL VIEW ON THE DEVELOPMENT OF THE LANGUAGE OF LAW AND LEGISLATIVE TEXTS	5
<i>Kozhevnikova, E. I.</i> ON SOME TRENDS IN THE LANGUAGE POLICY IN FEDERAL REPUBLIC OF GERMANY	15
Legal Technique	
<i>Kanakova, A.Y.</i> PROBLEMATICS OF THE CONTENT OF "LABOR" CONSTITUTION CATEGORY	20
<i>Sinkin, K.A.</i> THE CONCEPT OF PROCURACY SUPERVISION OVER JUSTICE INSTITUTIONS AND LEGISLATIVE OFFICERS INVESTIGATING A CRIMINAL CASE	25
Linguoexpertology	
<i>Doronina, S.V.</i> LEXICOGRAPHIC SOURCES AS A TOOL FOR A FORENSIC EXAMINER	28

Общий взгляд на развитие языка права и законодательных текстов

М. В. Батюшкина

*Законодательное Собрание Омской области
ул. Красный Путь, 1, 644002, Омск, Россия
E-mail: soulangeana@mail.ru*

Целью статьи является исследование вопроса о становлении языка права, развитии понятия "закон" и формировании моделей законодательных текстов. В диахроническом аспекте рассматривается дифференциация видов законов, ее основания и тенденции. Исследуются общие и частные функциональные, формальные и содержательные особенности законов, принятых в разные временные периоды, феномен модельного законотворчества, унификация законодательных форм. Особое внимание уделяется языковой и терминологической основе законов, правовой рецепции, смене терминосистем, отражающих различные государственные и общественно-политические парадигмы. При написании статьи применяются методы и подходы, традиционные для русистики и юридической лингвистики. В качестве материала исследования, наряду с работами лингвистов, правоведов и представителей других наук, используются правовые тексты XI – XX веков и современные российские законы.

Ключевые слова: язык права, текст закона, юридический термин, клише, юридическая лингвистика, история языка, история права.

General Outlook on the Development of the Language of Law and Legislative Texts

M.V. Batuyshkina

*Legislative Assembly of the Omsk Oblast
1 Krasny Put st., Omsk, Russia, 644002,
E-mail: soulangeana@mail.ru*

The purpose of the article is to examine the matter of the genesis of the language of law, the development of the concept of "law" and the formation of models of legislative texts. The differentiation of types of laws, its foundations and trends are considered diachronically. The article examines the general and particular functional, formal and substantive features of laws adopted in different time periods, the phenomenon of model lawmaking, and the unification of legislative forms. Special attention is paid to the linguistic and terminological basis of laws, legal reception. It is noted that the change of terminological systems reflects various state and socio-political paradigms. The methods and approaches traditional for Russian studies and forensic linguistics have been used to write this article. The legal texts of the XI – XX centuries and modern Russian laws, as well as works of linguists, legal scholars and representatives of other sciences have served as research material.

Key words: language of law, text of law, legal term, clichés, forensic linguistics, history of language, history of law.

1. Вводные замечания. К основным задачам юридической лингвистики (А.Н. Баранов, К.И. Бринев, Е.И. Галяшина, Н.Д. Голев, М.В. Горбаневский, С.В. Доронина, М.В. Косова, С.П. Кушнерук, С.П. Хижняк, М.А. Осадчий, О.П. Сологуб, И.А. Стернин, Т.В. Чернышева и др.) относится исследование функционирования русского языка в правовой сфере, лингвистическая экспертиза текстов и квалификация высказываний, обеспечение лингвистического качества текстов, обладающих юридической значимостью. Решение этих задач знаменует собой переход к междисциплинарному этапу развития науки о языке, усиление ее роли в системе научного знания и практической деятельности.

Проведение юрислингвистических изысканий предполагает интеграцию понятий и концепций разных наук, прежде всего, лингвистики, права, герменевтики и логики, а также различных научных подходов (дискурсивного, практикоориентированного, функционального, когнитивно-коммуникативного, формального, интерпретационного и др.).

Как правило, юрислингвист описывает объект исследования с учетом системы представлений, характерной для определенного периода развития науки и практики (в синхронии), оставляя за рамками рассмотрения предысторию. Однако не меньший интерес представляет изучение данного объекта в хронологическом развитии, поэтапном становлении, предусматривающем

смену вариантов одного инварианта (в диахронии). Второй подход позволяет точнее истолковать многие особенности, свойственные объекту исследования в синхронном состоянии.

В данной статье отражены результаты исследования развития языка права, моделей правовых и законодательных текстов, поэтапного формирования понятия «закон». При написании статьи применяются методы и подходы, традиционные для русистики и юридической лингвистики.

В качестве материала исследования, наряду с работами лингвистов, правоведов и представителей других наук, используются правовые тексты XI – XX веков и современные российские законы. Правовые источники анализируются на базе Отчета о научно-исследовательской работе «Основные законы XI – XXI вв.: тысячелетие российского законодательства (памятники русского права с комментариями специалистов)» Института российской истории РАН, а также текстов, размещенных в открытом доступе в справочных правовых системах «Консультант Плюс» и «Консультант Плюс Регион».

2. Виды и цели законов. История законодательных текстов начинается задолго до появления не только понятия «закон» и дошедших до нас правовых текстов, но и появления письменности вообще. По мнению специалистов, исследующих историю права, закон «вырос» из племенных обычаев первобытных обществ («неписаного обычного права»), в которых были отражены биологические и обрядово-ритуальные предпосылки [Пиголкин 1972: 29; 1990: 44; Сильченко 1993: 7-10; Криков 2017: 20].

После формирования обычая, устанавливающего порядок каких-либо действий в определенной ситуации или, наоборот, запрет на какие-либо действия (табу), а также порядок наказания за нарушение обычая или табу, сообщение приобретает вид «ритуализированной формулы» (понятие используется след за Ю.М. Лотманом [1992: 13]), дважды закодированной: сначала на естественном языке, а после на специальном «вторичном» языке, с помощью которого достигались цели регулирующего общения.

На этапе корреляции естественного и «вторичного» языков, разных коммуникативных целей происходит образование функционального текста, содержащего «зачатки» текста правового. Особое значение имела письменная фиксация такого текста, поскольку данная форма предполагала ритуальную сакрализацию текста и передачу его от поколения к поколению, сохранение в коллективной памяти.

Если вначале правовые наставления были тесно переплетены с верованиями, мифами, религиозно-моральными нормами, обычаями и традициями, в дальнейшем противопоставление правовых, этических и религиозных обычаев способствовало тому, что нарушение права постепенно стало ассоциироваться не с моральными или религиозными проступками, обычаями как источниками «неписанного» закона, а, прежде всего, с определенным письменным текстом, в котором были установлены общеобязательные правила и ответственность (наказание) за нарушение данных правил.

Анализ памятников русского права показывает, что первые образцы правовых текстов были чрезвычайно разнообразны и, безусловно, не обладали уникальными свойствами и формой современных законов, но имели сходную с ними цель – изъявление воли определенных лиц, наделенных властными полномочиями, с помощью установления письменных предписаний правового характера и регулирования общественных отношений.

Князья, русские цари, а затем российские императоры издавали не «законы», а акты, именовавшиеся правдами, уставными грамотами, судными грамотами, судебниками, уставами, установлениями, посланиями, указами, наказами, уложениями, положениями, регламентами, манифестами, мнениями и др.

Первым правовым сводом традиционно считается «Русская Правда», источниками которой называются восточнославянские обычаи, общинное право, «уроки» и «уставы» русских князей, рецепция византийского и скандинавского права [Зимин 1999; Косова 2017; Милов 1989; Селищев 1957; Тихомиров 1941; Яшин 2019: 73].

«Русская Правда» существовала в трех хронологических редакциях: первоначальной Краткой (XI век), посвященной уголовному и процессуальному праву; Пространной (XII-XIII века), включающей положения Краткой Правды и новые положения о наследственном и торговом праве; и Сокращенной (после XV века), представляющей собой актуализированный вариант Пространной Правды, образованный с помощью исключения устаревших положений.

Существование разных хронологических редакций – свидетельство того, что «Русская Правда» не была застывшим сводом правовых текстов, наоборот, общеобязательные правила, отдельные предписания уточнялись и переписывались с учетом менявшихся условий. Но главное – в «Русской Правде» система норм была представлена в единстве и целостности. Такой прием уточнения закона (с одновременным сохранением его единства и целостности) применяется и в настоящее время.

Яшин А.Н. отмечает, что «идея Правды» укоренилась в русской ментальности еще в догосударственный период (*судить по Правде, праведный суд, праведник, правота, правый*), а закону была отведена второстепенная роль, им именовались определенные нормы, регулирующие в частности договоры Руси с Византией [Яшин 2019: 64, 85]. После принятия христианства понятие *закон* наполняется нравственно-этическим содержанием – законами именовались заповеди Божьи. Укрепление понятия *закон* как повелительного правила, содержащего санкцию государства за неисполнение волеизъявления, происходит с принятием Судебников 1497 и 1550 годов. *Правда* начинает толковаться как справедливость, а *законом* называется государственная воля, исходящая от государства правила (там же, с. 88-89).

По исследованию Поповой Л.В., в XVIII веке синонимом по отношению к термину *закон* выступает понятие *права* (мн. число) в значении «юридические акты»: *права и уставы, нарушитель государственных прав, права повелевают* [Попова 2007: 16-18]. В Наказе Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения (1767-1768 гг.) права делятся на три вида: законы, учреждения временные и указы (по сути, понятия права и законы соотносятся в качестве родовидовых). Несмотря на это, как отмечает В.Н. Латкин, любое административное распоряжение, исходившее «непосредственно от верховной власти», было равнозначно закону [Латкин: 2004: 6].

В XVIII – XIX вв. появляются работы, отражающие взгляды на природу, цели, свойства и качество юридического закона, связи его с естественными (физическими), нравственными и религиозными законами: «Размышления о законодательстве вообще» и «О законах» М.М. Щербатова, «Опыт о законодательстве» А.Н. Радищева, «Записка об устройстве судебных и правительственных учреждений в России» и Докладная записка императору «Введение к уложению государственных законов (план всеобщего государственного образования)» и другие работы М.М. Сперанского, «Краткая теория законов» и «Начертание теории законов» Л.А. Цветаева, «Руководство к познанию российского законоискусства» З.А. Горюшкина и др.

К общему предмету юридического закона относят правила, «по коим надлежит поступать во всех случаях одного и того же рода», «всегда в делах сего рода» [Сперанский 2002: 69, 287].

Б.Н. Чичерин называет юридический закон существенным признаком государства и его нравственным выразителем, к ключевым признакам закона относит обязательность и принудительность [Чичерин 1861; 2006: 33].

Коркунов Н.М., сопоставляя юридические законы с естественными, подмечает, что юридические законы «не выражают того, что есть, а указывают лишь то, что должно быть», законы естественные, наоборот, выражают «не должное, а сущее» [Коркунов 2003: 71-75].

По мысли А.П. Куницына, слово закон по своему производству означает преграду, «далее которой что-либо простираться не должно и не может» [Куницын 1997: 53, 54]. Границы свободы определяются тем, кто устанавливает правовую норму [Трубецкой 1917: 11].

С точки зрения конкретной цели, частного предмета и специфики формального выражения предлагаются различные классификации законов, в частности деление законов на виды:

- основные, учредительные, уставные, государственные, гражданские [Сперанский 2013: 300, 301];

- основные (конституционные) и простые (обыкновенные), общие и местные, общие и специальные (по ситуациям и лицам) [Трубецкой 1917: 11];

- по степени важности (основные – «первостепенной важности, служащие фундаментом всей государственной жизни» и обыкновенные); по пространству действия (общие и местные); объему (общие и специальные); логическому характеру (общие и исключительные): признаку исключительности: временные исключительные (например, о чрезвычайном положении), индивидуальные (о привилегиях для какого-л. лица), сепаратные (однократные разрешения на какое-л. действие) [Михайловский 1914: 308, 313].

Чичерин Б.Н. подразделяет законы по видам на гражданские, определяющие права и обязанности отдельных граждан, и государственные, определяющие устройство и деятельность государства; по форме: узаконения, своды и уложения (уставы); по степени юридической силы: основные, обыкновенные (развивающие положения основных), нижестоящие постановления и распоряжения; по действию в пространстве: общие и местные [Чичерин 2006].

В Своде Основных государственных законов (действовавшем с 1832 года по 1917 год) под законами понимаются уложения, уставы, учреждения, грамоты, положения, указы (инструкции), манифесты, указы, мнения, доклады. Данные документы, по отношению к которым было применено объединяющее понятие «закон», также могут быть классифицированы: по степени важности (основные и обыкновенные), территории / пространству действия (общие, действующие на всей территории государства, и местные, действующие на определенной территории государства), типовым моделируемым ситуациям или определенным категориям лиц (военные, гражданские, законы-привилегии и т.д.).

XX век характеризуется не только замещением одних правовых текстов другими, но и эволюционированием модели законодательного текста. Уточняются специфика предмета закона (содержательное наполнение), формальные признаки, отличающие закон от подзаконных актов, особенности коммуникативных ситуаций, в которых происходит создание текста закона.

В революционный и ранний послереволюционный периоды принимались кодексы законов (например, Кодекс законов об актах гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве 1918 г., Кодекс законов о труде 1920 г.), кодексы (Уголовно-Процессуальный Кодекс РСФСР 1922 г., Земельный Кодекс РСФСР 1922 г.), а также узаконения, под которыми понимались декреты, постановления, а также отдельные статьи из них (Декрет о Рабоче-Крестьянской Красной армии 1918 г., Положение о Народном суде 1920 г.; Декрет о морском транспорте 1921 г., Положение о Народном комиссариате юстиции РСФСР 1929 г., Постановление о переименовании Нижегородской области в Нижегородский край 1929 г. и др.). Предметом узаконений было не только первичное регулирование, но и внесение изменений в ранее принятые акты.

Тексты кодексов и узаконений принимались и изменялись сначала постановлениями ВЦИК, а затем указами Президиума Верховного Совета РСФСР (см. например, Постановление ВЦИК от 25.05.1922 «Об Уголовно-Процессуальном Кодексе», указы Президиума ВС РСФСР от 18.08.1966 г. «О внесении дополнений в статью 142 Уголовного кодекса РСФСР», от 18.08.1972 «О внесении изменений и дополнений в Закон о судостроительстве РСФСР»).

Кодекс законов (кодекс) представлял собой единый текст, в котором выделялись структурные части. Например, Кодекс законов о труде состоял из 9 разделов (о трудовой повинности; о праве на применение труда; о порядке предоставления труда, о предварительном испытании, о переводе и увольнении трудящихся, о вознаграждении за труд и др.) и 5 приложений, в которых были изложены различные правила (о трудовых книжках, еженедельном отдыхе и праздничных днях и проч.).

Наряду с кодексами законов, кодексами и узаконениями принимались отдельные законы (сводные законы): Закон о трудовом землепользовании (1922 г.), Закон об обязательной военной службе (1925 г.), Сводный закон о реквизиции и конфискации имущества (1927 г.), Горный закон РСФСР (1928 г.) и др. Как и кодексы, названные законы имели деление на структурные единицы (разделы – пункты – подпункты – приложения). К законодательным актам также относились нормативные постановления Съезда народных депутатов РСФСР, нормативные постановления Верховного Совета РСФСР, нормативные указы и постановления Президиума Верховного Совета РСФСР. В качестве Основного Закона рассматривалась Конституция.

Анализ документов советского периода показывает частотность законов «смешанного» характера, которыми одновременно осуществлялись разные институциональные действия: утверждение документа (документов) и внесение изменений в ранее утвержденный документ; утверждение документа (документов) + внесение изменений + признание закона утратившим силу в целом или в части; и т.п. Примеры: Об утверждении Положения о Верховном Суде СССР и о внесении изменений и дополнений в статьи 104 и 105 Конституции (Основного Закона) СССР (закон СССР от 19.02.1957); Об утверждении Указов Президиума Верховного Совета РСФСР и о внесении изменений в статью 69 Конституции (Основного Закона) РСФСР (закон РСФСР от 11.06.1964).

В случае, если предполагалась существенная переработка текста закона, принимался закон в новой редакции. В текстах законов такого рода использовалась специальная формулировка: *внести в* (указывались сведения о законе, источники опубликования) *изменения и дополнения, утвердив новую редакцию указанного закона* (см., например: Закон СССР от 19.04.1979 № 9-Х «О внесении изменений и дополнений в Закон СССР "О порядке отзыва депутата Верховного Совета СССР"»).

В постсоветский период законодательное пространство строится с соблюдением иерархической дискретности и родовидовой взаимосвязи автономных текстов, объединенных в отдельные классы по предметно-тематическому признаку. Линейная последовательность принятия законов передается с помощью реквизитов (порядковой нумерации, дат подписания), предметная взаимосвязь отражается в названиях и межтекстовых ссылках. Под юридическим законом понимается акт законодательной власти, утвержденный (подписанный) главой государства или главой субъекта федерации.

Иерархия российских законов обусловлена различием большей или меньшей «юридической силы», приоритетности одних законов перед другими. В качестве основания различия юридической силы может быть рассмотрена обобщенность изложения содержания законодательной нормы: чем выше степень обобщенности, тем выше по статусу (приоритетнее) закон, и наоборот, если нормы закона конкретизируют содержание других более общих законодательных норм, то юридическая сила таких законов меньше.

Исходным текстом, обеспечивающим целостность и единство российского законодательного пространства и содержащим не просто нормы права самой высокой степени обобщения, а основополагающие правовые принципы и концепты, является Конституция РФ. Это «основной закон», в котором отражены базовые параметры организации российского государства и общества, сконцентрированы ключевые принципы российского права и различные слои правовой информации.

Иные законы (и шире – правовые тексты) в большем или меньшем объеме развивают тематическую структуру Конституции, выраженную в конституционных нормах и принципах, в связи с чем можно говорить о том, что текст Конституции является прецедентным для иных законодательных текстов и обеспечивает их системное единство. О том, что текст закона развивает конституционные положения, может быть сделана оговорка в специальной статье, например: *Правовое регулирование функционирования внеуличного транспорта основывается на Конституции Российской Федерации* (Федеральный закон от 29.12.2017 № 442-ФЗ).

Иные федеральные законы, в зависимости от позиционируемой значимости и места в иерархии законов, могут быть расположены в следующей последовательности: законы РФ о поправке к Конституции РФ, федеральные конституционные законы, основы законодательства, кодексы, другие федеральные законы (Законы Российской Федерации, федеральные законы). Большую часть законодательного массива составляют законы, вносящие изменения в тексты ранее принятых законов.

Как и в советский период, кодифицированные тексты: основы законодательства, отраслевые кодексы – отличаются от текстов иных законов большим объемом и усложненной структурной, в них систематизированы общие положения правового регулирования какой-либо одной сферы общественных отношений: трудовой, жилищной, лесной, водной, уголовной, таможенной и т.д.

Если в федеральных законах установлены правила, обязательные для применения на всей территории государства, то содержание региональных законов составляют правила, применяемые на территории определенного субъекта федерации (республики, края, области, города федерального значения, автономной области, автономного округа).

Тексты региональных законов эксплицируют общую конституционную концепцию и являются проекцией федеральных законов, поскольку главным образом развивают их предметное содержание. С точки зрения иерархии, выделяются следующие классы региональных законов: конституция республики (устав – в иных субъектах федерации), законы о внесении поправок в конституцию (устав), конституционные законы республики, кодексы, иные региональные законы. Тексты конституции или устава являются прецедентными для текстов иных региональных законов соответствующего субъекта. Как и на общегосударственном уровне, особым статусом наделяются кодексы.

Несмотря на уточнение природы закона – что представляет собой закон и каким он должен быть – в практике российского законодательства такие свойства закона, как нормативность и регулирование наиболее важных общественных отношений, понимаются относительно (особенно в 90-е годы прошлого века). Тексты некоторых законов и по содержанию, и по построению напоминают указы или ведомственные инструкции, т.е. акты не законодательной, а исполнительной власти.

Сравните, для примера, Закон РФ от 02.07.1992 № 3183-1 «Об учреждении медали "Защитнику свободной России"» и Указ Президента РФ от 09.07.2007 № 852 «Об учреждении медали "За развитие железных дорог"». По образцу текстов указов написан Федеральный закон от 28.12.1995 № 219-ФЗ «О материальном обеспечении и медицинском обслуживании вдовы Д.А. Волгогонова», в котором волеизъявление и императивность передаются с помощью инфинитивных предложений, а передаваемая информация конкретизирована данными об определенном человеке, на которого распространяется действие закона (хотя нормы закона должны распространяться на неопределенное количество лиц).

С другой стороны, в настоящее время только законами ратифицируются договоры. С предметно-содержательной точки зрения, такие тексты не являются новшеством современного юридического дискурса, наоборот, имеют многолетнюю историю развития. Но в предшествующий (советский) период ратификация осуществлялась не с помощью законов, а с помощью постановлений и указов: до 1937 г. – постановлений Президиума ЦИК СССР; с 1938 по 1989 гг. – указов Президиума Верховного Совета СССР (за исключением Договора о ненападении между СССР и Германией, который был ратифицирован постановлением Верховного Совета СССР); с 1989 по 1991 гг. – постановлений Верховного Совета СССР.

В качестве примеров приведем постановление Президиума ЦИК СССР от 07.03.1928 «О ратификации акта присоединения правительства Союза ССР к протоколу о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых и других подобных газов и бактериологических средств», постановление Верховного Совета СССР от 02.04.1991 № 2078-1 «О ратификации Соглашения между СССР и ФРГ о некоторых переходных мерах».

При оформлении российских законов о ратификации и советских постановлений (указов) о ратификации применяются сходные шаблоны, отличающиеся: объектом ратификации (соглашение, договор, конвенция и др.); количеством ратифицируемых документов; наличием / отсутствием вводной («постановительной») части, а также дополнительной информации об обстоятельствах одобрения, подписания и ратификации.

В связи с тенденциями дальнейшего развития моделей текстов законов и унификацией законодательных форм, особого рассмотрения заслуживает типология современных российских законов, осуществляемая на основе таких законодательных целей, как:

нормоустановление – создание и законодательное закрепление правовых норм, лежащих в основе регулирования тех или иных сфер общественных отношений;

нормоизменение – трансформация законодательно закрепленных правовых норм в связи с необходимостью изменения аспектов регулирования общественных отношений либо устранения выявленной несогласованности норм одного закона или разных законов друг с другом;

норморазъяснение – уточнение каких-либо аспектов введения правовой нормы в пространство законодательных текстов или бытования ранее законодательно закрепленной нормы в этом пространстве, устранение неоднозначного понимания и применения данной нормы (возможности такого понимания и применения в перспективе) и возникающих в связи с этим «сбоев» в регулировании общественных отношений;

нормоприостановление – признание правовой нормы, закрепленной в законе, временно не действующей, обусловленное какими-либо обстоятельствами, при которых регулирование тех или иных аспектов общественных отношений невозможно либо нецелесообразно;

нормоотмена – исключение правовой нормы (в целом закона) из пространства законодательных текстов в связи с утратой необходимости регулирования общественных отношений определенного вида с помощью данной нормы (данного закона).

3. Некоторые особенности языка права и терминологии законов. Если в Европе языком церкви, науки и права признавался латинский, то на Руси, начиная с Киевского периода и до конца XVII века, языком книжности был старославянский. Благодаря принципу калькирования, т.е. буквальному переводу греческих слов, старославянский язык обогащался множеством отвлеченных понятий и

научных терминов [Щерба 1957: 117; Виноградов 1978: 18].

При этом обычное право и делопроизводство были тесно связаны «с традициями живой восточнославянской речи, и не могли не приспособить славянской системы письменного изображения речи для своего закрепления» [Виноградов 1978: 20]. Длительный период деловой юридической язык был восточнославянским по своему характеру [Аванесов 1978: 90], идейно русским и национально самобытным [Яшин 2019: 93].

В частности, С.П. Обнорский существенной чертой «Русской Правды» назвал «близость к разговорной стихии речи» [Обнорский 1960: 142]. По словам В.В. Виноградова, в языке «Русской правды», встречаются скандинавизмы, тюркизмы, однако почти полностью отсутствуют церковнославянизмы [Виноградов 1978: 20].

При написании текста «Русской Правды» использовались главным образом понятия, обозначающие обычаи и быт восточных славян, с высокой семантической конкретизацией (*лодьа* – лодка; *куря* – куропатка; *гумно* – сарай для хранения зерна; *мир* – община; *извод* – свидетельство 12 человек; *заключить и на торгу* – объявить о совершившемся преступлении в людском месте; *вира* – штраф за убийство князя; *дикая вира* – штраф, выплачиваемый общиной за преступника; *видоки и послухи* – категории свидетелей; *уборок* – мера сыпучих тел; *голважня* – единица измерения соли).

На основе наименований, используемых в «Русской Правде», можно составить представление о различных сословных категориях населения, степени свободы человека: *князь*, *боярин*, *огнищанин* (управляющий княжеской вотчиной), *тиун* (управляющий княжеским или боярским имением), *гридин* (представитель боевой дружины), *детский* (младший дружинник), *отрок* (младший дружинник или служащий), *купчина* (дружинник, занимающийся торговлей), *мечник* (сборщик штрафов), *муж* (любой свободный человек), *челядин*, *холоп* (раб), *обельное холопство* (пожизненное рабство), *закупное холопство* (временное рабство), *роба* (холоп женского пола), *смерд* (крестьянин-земледелец) и др.

Положения о наказаниях за нарушение норм поведения формулировались лаконично на основе двух-, трех- или четырехэлементных условных синтаксических конструкций:

«Если – то»: *Если кто поедет на чужом коне без спроса, то платить три гривны штрафа;*

«Если 1 – если 2 – то»: *Если же ударит мечом по руке и рука отвалится или усохнет, то 40 гривен;*

«Если – то – иначе»: (Если) *А кто повредит бороду (1) и останутся следы этого (2) и будут свидетели (3), то 12 гривен штрафа князю; (иначе) если же свидетелей нет (1) и обвинение не доказано (2), то штрафа князю нет.*

(Примеры приводятся по тексту «Русской Правды», переведенному М.Б. Свердловым, см.: Отчет о НИР Основные законы (XI-X).)

Федорченко Е.А. при исследовании текстов таможенной сферы отметила, что со времени зарождения российской государственности основным источником номинации в данной сфере была исконная лексика русского языка, а одними из самых древних слов таможенной сферы были названия торговых пошлин: *мыт*, *тамга*, *костки*, *пошлина* («что идет, пошло съ товару»), а также образования от них: *мыто*, *мытник* (сборщик мыта), *мытница* (место взимания мыта), *таможня* (от тамга), *головная пошлина*. В качестве номинации пошлин, как правило, употреблялись субстантивированные прилагательные среднего рода: *осьмниче*, *гостиное*, *порядное*, *проезжее*, *узольцовое*, *роговое* и др. [Федорченко 2004: 11-13].

По мнению Лыковой Н.Н., центральным в правовых текстах X-XV вв. является концепт «Правосудие», объективируемый с помощью простых и составных терминов различных предметно-тематических групп: юрисдикция (*княжчина/земля княжая*, *посад*, *город*, *вотчина*, *присуд*), судебные учреждения (*суд княж*, *суд владычный*, *волостной*, *городской*, *посадничий*, *суд торговый*), субъекты права (*княж муж*, *слуга дворный*, *свободен муж*, *людин*, *холоп*, *челядин*, *смерд*), виды преступлений (*татьба*, *грабеж*, *порубка*, *разбой*, *наход*, *посул (взятка)*), наименования вреда, ущерба (*обида*, *пагуба*, *протор*), иск (*жалоба*, *челобитье*), расследование (*исправа*), розыск, допрос (виды пыток: *батогы*, *дыба*, *кнут*), судебное разбирательство (вызов в суд: *позов*, *позовка*, *позывати*, *звати на суд*); судебный процесс: *судом судити*, *судище*, *судитися*, *суженое*, *дати правду*; лица, участвующие в судебном процессе: *судья (волостной, городской, земский, княжеский)*, *истец / ищя (и для истца, и для ответчика)*; *видок*, *послух*, *свидетель*, *поручник*, *люди*; обвинение: *вынести виру*, *повинити*; ложные обвинения: *клепати*, *облыгати*, *поклеп*, *прирок*, *наводить наводки*; решение суда: *судница дати*, *судная грамота*), наказание (*казнь*, *убиение за голову*, *вира*, *поток*, *оземствование*) [Лыкова 2005: 16-34].

В числе распространенных способов терминообразования Лыкова Н.Н. называет суффиксацию и префиксацию (*добыток*, *заездник*, *заездчик*, *материзна*, *мостовщина*, *месячина*, *полюдь*), субстантивацию глаголов, причастий, прилагательных, числительных (*приезд*, *дар*, *мостовое*, *коноевое*, *десятина*, *десятое*, *пятина*), семантическую деривацию общенародных слов (внутриязыковое заимствование). С точки зрения частеречной принадлежности, отмечает преимущественность существительных, глаголов и прилагательных. К числу закономерностей относит полифункциональность и вариативность написания терминов (*истец / ищя*, *рота / рута*, *судебница / судебня*, *турюма / турма*), синонимию и дублетность (*княжчина / земля княжая*, *выдати на поток / оземствовати*), метафоричность (*след знати*) и выраженность коннотативных значений (*добрые люди*, *лихое дело*, *лихой человек*, *клепати*, *послушествовати лживо*) (там же).

Язык грамот, договоров, завещаний, долговых расписок, перечней повинностей и других записей хозяйственного и юридического характера эпохи Киевской Руси «не всегда отражал непосредственно живую речь», с течением времени вырабатывались застывшие повторяющиеся формулы, далекие от живого языка [Виноградов 1978: 22]. В текстах грамот широко применялись устойчивые формулы начала и конца текста, передающие предмет сообщения и его цель [Мещерский 1995: 39, 40].

Обобщая результаты исследования языка ранних обычно-правовых текстов, А.В. Десницкая в качестве определяющих называет следующие параметры синтаксического построения данных текстов: преимущественное употребление сложных предложений с выраженным условием; включение в текст готовых лаконичных формул обычного права, их соотношение со сложными синтаксическими построениями; большую или меньшую степень наличия в тексте «конструкций, свойственных в то время разговорной речи» [Десницкая 1983: 65-66].

Факт создания с помощью указанных средств «целого комплекса расчлененных формулировок», в которых дискретно и эксплицитно было выражено содержание многообразных жизненных ситуаций правового характера, являлось, по мнению А.В. Десницкой, «индивидуальным творческим достижением кодификатора», имеющим значение как для развития права, так и для генезиса литературно-языковой традиции (там же).

В связи с образованием Московского государства усиливается влияние московского делового письменного языка, формируемого в московских канцеляриях (приказах) [Винокур 1959: 111; Якубинский 1986: 131-132]. Московский деловой (приказный) язык был языком «специального назначения», использовался «для обслуживания лишь определенных, специфических, сторон общественной жизни – всякого рода деловых отношений», это обуславливало его особенности: регламентацию, односторонность словарного состава, однообразие синтаксиса [Якубинский 1986: 159]. На московском приказном языке создавались не только своды

правовых текстов, договоры, но и велась корреспонденция правительства, писались статьи, книги политического, географического, исторического содержания, лечебные и поваренные книги, осуществлялись переводы с латинского, польского и немецкого языков. В отдельных своих жанрах московский приказной язык «почти сливался с живой разговорной речью средних слоев общества» [Виноградов 1978: 32] и «гораздо свободнее литературного языка отражал грамматические процессы, происходившие в ту пору в живых говорах Московского государства» [Винокур 1959: 112].

По мнению Б.А. Ларина, постепенное усиление централизации административной системы способствовало единообразию административной терминологии, единству основных норм деловой письменности, однако в «в земских избах», на периферии государства (псковских, новгородских, холмогорских и др.), несмотря на боязнь «подьячего получить взыскание за малограмотность от царских дьяков, которые будут читать царю его свиток», местные и социальные диалектизмы неизбежно «прорываются» в язык делопроизводства [Ларин 1977: 168, 175].

О наличии в документах локальных диалектизмов делает вывод и Попов Е.Ю., исследующий лексику судебного делопроизводства Приенисейской Сибири XVII в. По наблюдению ученого, памятки деловой письменности допетровской эпохи содержат как книжно-литературные элементы (старославянизмы, отглагольные существительные, юридические формулы), так и, хотя в меньшей степени, восточнославянские лексические единицы, отражающие живую народную речь: *делать деньги, бражничать* (местн.); *винокурщик* вместо *винокур* (употребимого в Соборном Уложении 1649 г.), *оплошка* вместо старославянского *нерадение* [Попов 2018: 9-10, 13].

По подсчетам Попова Е.Ю., номинации со значением предметности (*бражник, пытка, ссылка, лихо, челобитная, тюрьма*) преобладают над номинациями со значением процессуальности (*волочить, приписывать, расспросить, украсть, допросить, поклепать*); наибольшее число номинаций обозначают разновидности преступлений, документов, доказательств, процессов совершения преступлений, вынесения приговора, хода расследования; наряду с простыми наименованиями (*вор, вина*) используются составные, обладающие семантической слитностью (*держать в тюрьме, учинить наказание, дать на поруки, бить челом, завести мечь, известное дело, расспросить порознь накрепко*) (там же: с. 18-19).

Употребляемая юридическая лексика характеризуется тенденцией к стандартизации, многозначностью, основанной на метонимическом переносе (процесс – документ, содержащий результаты процесса: *расспросные речи, допрос, сыскное дело, явка*); дублетной синонимией (*измена – изменное дело, бой – побои, взятка – посул – принос – посульные запросные – посульные деньги*); единичными примерами антонимов (*ответчик – истец, виноватый – правый*) (там же).

По исследованию Ганьковой Е.Г., памятки деловой письменности XVII – XVIII вв., несмотря на внутрителивую дифференциацию, обладают общими признаками: строятся по определенному шаблону; имеют фиксированный формуляр начальной и финальной частей документа (основной лексический материал, передающий предметное значение, сосредоточен в центральной части документа); характеризуются набором устойчивых выражений и форм (клише и клаузул), способов сокращения слов; содержат не только юридические, канцелярские и другие термины, но и лексику обиходно-бытового характера, в том числе диалектизмы, слова с уменьшительными суффиксами [Ганькова 2006: 5-7, 10, 14].

Важный этап развития языка права связан с преобразованиями Петра I, который обратился к московскому деловому языку, доступному и понятному для широких слоев общества, ранее уже подвергшемуся литературной обработке и получившему общегосударственное значение [Якубинский 1986: 159]. По мысли Подъяпольской Е.П., «законодательство» Петра I представляло собой собрание указов, выраженных в «эпистолярной форме» [Подъяпольская 1974: 64]. Принимаются Артикул воинский, Генеральный регламент, Табель о рангах.

В Петровскую эпоху деловая письменная речь отражала «начинающуюся европеизацию русской научно-технической и бытовой культуры» [Винокур 1959: 113], влияние западных языков, прежде всего, латинского, немецкого, французского и, в меньшей степени, английского, голландского, итальянского, «давших русскому языку всю массу интернациональных слов и богатую научную и техническую терминологию» [Щерба 1957: 118].

В связи с реализацией «диалога между русской и западной культурами» [Лотман 2016: 230] усиливается значение интернациональной научной терминологии, образуемой посредством буквального перевода, калькирования, подбора слов, соответствующих тому или иному понятию.

Заемствованные при правовой рецепции конструкции первоначально употреблялись параллельно с исконными, а затем вместо них. В качестве примера приведем толкования, которыми сопровождалась заимствованная лексика в Генеральном регламенте 1720 года: *интерес – прибыль и польза, апробируется – за благо приемлется, рекомендации – прошение об одном к другому* [Отчет о НИР, 2013: 505-542]. В дальнейшем синонимия терминов была устранена: вместо исконной лексики (*прибыток и польза, за благо приемлется, прошение об одном к другому*) стала использоваться заимствованная (*интерес, апробируется, рекомендации*).

Федорченко Е.А., исследующая историю терминологических номинаций таможенного права данного периода, проводит такие примеры лексических замен: *потаянный провоз товаров* → контрабанда, *накладные росписи* → фактура, *свод таможенных окладов* → реестр таможенных окладов [Федорченко 2004: 14].

В дальнейшем книжные традиции создания деловых документов, по мнению Косовой М.В., проявлялись в использовании однотипных вербально-цифровых обозначений пространственно-временных координат (*сего 1735 году января 16 дня...*), ссылок на источник информации, подчеркивающих ее достоверность и точность, деловых клише (*имеет быть надлежащее по указу ее императорского величества решение*), отглагольных существительных (*выполнение, ведение, рассмотрение, определение, исполнение, оказание* и др.), официальных наименований видов документов, мероприятий, должностей (*доношение, ордер, грамота, сбор, генерал-майор*) [Косова 2015: 438].

Истратий В.В. отмечает не только широту употребления однословных обозначений, известных еще с допетровского времени (*закон, право, правило, адвокат, апелляция, юриспруденция, договор, контракт, сделка, челобитная, власть, преступник, вор, разбойник, казнь, обида, воровство, расправа, татьба, купчая, челобитная, измена, клятва, суд, свидетель, иск, приговор, брак, подать, сбор, побор, пошлина, налог*), но и закрепление новых значений слов, происходящее с помощью дифференцирующих определений (*власть законодательная, власть совершительная, власть судебная; дело тяжёлое, дело законопредлагаемое, дело обязательное, дело уголовное, дело криминальное, дело смертное; право народное, право личной безопасности, право вольности, право собственности имений; движимое имение, недвижимое имение, конфискование имения; десятинный сбор, канцелярский сбор, почтовый сбор, бутылочный сбор*), а наиболее продуктивной моделью создания словообразовательных неологизмов называет сложение слов: *законознание, законоизложение, законоположение, законопостановление, законоискусство, судопроизводство, землевладение, клятвopеcтyплeниe, cмepтoубийcтвo, cмepтoубийцa* и т.д. [Истратий 2018: 9-10, 14, 21].

К наиболее частотным, по мнению Истратий В.В., относились слова на -ние (*злодеяние, оскорбление, имение, уложение*,

узаконение, преступление, разорение, убиение, умерщвление), -ость (вольность, должность), -ство (общество, убийство, смертоубийство), -тель (свидетель); и наоборот, «выходило из употребления» словообразование при помощи суффикса -щин- (амбарщина, подымщина, мостовщина), а также образование субстантивированных прилагательных среднего рода на -ное/-ое (подворное, дымовое, поземельное) (там же, с. 22).

Начальный советский период характеризуется привнесением в русский язык нового пласта интернациональной политической терминологии, непонятной «для человека из народа, к которому направлялись слова вождей революции»: *базис, надстройка, финансовая олигархия, классовая дифференциация, великодержавный шовинизм, генеральная линия партии, пролетариат, коллективизация, оппортунизм, индустриализация* [Фесенко 2009: 181-184], а также широким применением сокращений: *компартия, партком, колхоз, совхоз, профсоюз, райполеводсоюз, двадцатипятидесятничник, хлебозавод, агитпункт, сберкасса, автотранспорт, Союзпечать, Заготзерно, Наркомобщмаш, ЦК – Центральный Комитет* и др.

В связи с детализацией аспектов отраслевого регулирования в законах закрепляются пласты специальной терминологической лексики, разнородной по семантике, структуре и частеречной принадлежности. В качестве примера приведем термины Горного закона Р.С.Ф.С.Р. (1928 г.): *горный промысел, горное богатство, недра, полезные ископаемые, залежание породы, месторождение, горнопромышленник, поискатель, право первооткрывателя, поисковые работы, учреждения, ведающие недрами, горно-промысловый надзор, маркшейдерский надзор* и др.

Развивается дореволюционная традиция обозначения всех слов многословных особо значимых наименований с прописных букв. В советских правовых текстах такая традиция способствует аббревиации, используется применительно к наименованиям органов власти (организаций, должностей, правовых актов), словам, употребляемым как в единственном, так и во множественном числе.

Приведем примеры из Кодекса законов о труде (1920 г.): *Народный Комиссариат Труда, Советы Профессиональных Союзов, Народные Комиссариаты Земледелия и Труда, Отдел Охраны Труда Народного Комиссариата Труда, Районный Пункт Обмена Отдела Распределения Рабочей Силы*; из текста Декрета о Народном Суде (1920 г.): *Народный Суд – Народные Суды, Народные Заседатели, Постоянный Народный Судья, Народный Комиссариат Юстиции, Губернский исполнительный Комитет Советов Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов*. Для усиления значимости с прописной буквы указывается определение «советское»: *Советские учреждения, Советский строй*.

Современный законодательный процесс, в ходе которого формируются и принимаются законодательные тексты, ни что иное как зафиксированный и поддерживаемый, но, вместе с тем, развивающийся обычай принятия закона. Основные изменения в языке, произошедшие на рубеже XX-XXI веков, и нашедшие свое отражение в законодательных текстах, являются прямым следствием смены общественно-политической парадигмы, а также системы понятий, определяющих преобладающую в обществе систему ценностей.

Отмечается перераспределение слов активного и пассивного запаса: советизмы уходят в прошлое, возвращена дореволюционная терминология (*лицей, гимназия, господин, губернатор, мировой судья, полиция, акцизы* и проч.); активизировано заимствование отраслевых терминов европейского права, при этом преобладают заимствования из английского языка (*балкер, аваль, бербоут-чартер*).

Изучение понятийно-терминологического состава текстов российских законов в предметно-содержательном аспекте предполагает выделение групп понятий и терминов, отражающих как общеправовую (интернациональный), так и национально-правовую, а также «отраслевые» компоненты.

В зависимости от сферы регулирования, наряду с общенаучными понятиями (*объект, предмет, субъект, метод*) и общеотраслевыми юридическими понятиями (*закон, норма, полномочия, ответственность* и др.), в текстах современных законов используются группы понятий и терминов частных отраслей права. При этом если состав общенаучных и общеотраслевых юридических понятий не зависит от правовой отрасли, то состав отраслевых понятий и терминов обусловлен предметом закона.

В «отраслевых» законах превалирует лексика, выражающая наиболее значимые понятия регулируемой области правоотношений. В качестве примеров приведем термины гражданской отрасли (*гражданин, физические лица, юридические лица, правоспособность, дееспособность, несовершеннолетние, опека и попечительство, банкротство, коммерческие организации, гражданский оборот, объекты гражданских прав (имущество, валютные ценности, недвижимость, ценные бумаги, нематериальные блага, деловая репутация), сделки, право собственности, вещные права, обязательства, договоры (купля-продажа, мена, бартер, дарение, рента, аренда, найм, безвозмездное пользование, подряд, перевозка, банковский вклад, хранение, страхование), интеллектуальная собственность, авторское право, патентное право, наследование, завещание* и др.).

В текстах законов, регулирующих судебную сферу, используются общенаучные понятия (*субъект, объект, методика, цель, анализ*), общеправовые понятия (*права и свободы, ответственность, обязанность*), понятия / термины, обусловленные сферой рассматриваемых правоотношений (например, гражданского права: *должник, аукцион, отчуждение имущества, юридическое лицо*), понятия процессуального права (*суд, иск, ходатайство, предмет спора, истец, ответчик, третьи лица, судебное заседание* и др.).

В зависимости от предмета закона в качестве юридических понятий и терминов могут употребляться понятия и термины различных областей технического и гуманитарного знания (экономики, биологии, лингвистики и др.). Например, в Федеральном законе «О биологической безопасности в Российской Федерации» (от 30.12.2020 № 492-ФЗ) в качестве основных определены следующие понятия: *биологическая безопасность, биологическая угроза, патогены, штамм, микробиота, инфекция, инфекционная болезнь, синтетическая биология, иммунодефицитное состояние* и др.

Не менее значимы, чем термины, юридические клише, отражающие приверженность сложившимся стандартам трансляции правовой мысли и являющиеся неотъемлемыми элементами законодательных текстов, формирующие их жанрово-стилевую специфику. Данную мысль подтверждает сопоставление законов, принятых в дореволюционный и постсоветский периоды. Прошло более века, произошла смена государственных режимов, но практически неизменными (за исключением орфографии, порядка слов, устаревшей, вышедшей из употребления лексики) остались применяемые клише и транслируемое содержание.

Сравните юридические клише, употребляемые в Своде основных государственных законов 1906 г., с современными эквивалентами:

«в цѣляхъ, не противныхъ законамъ» (пункт 80 Свода) – для достижения не противоречащих закону целей (пункт 1 статьи 14 Закона РФ от 27.11.1992 № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации»);

«на основаніяхъ, въ законѣ опредѣленныхъ» (пункт 117 Свода) – на общих основаниях, установленных Гражданским кодексом РФ (пункт 4 статьи 26 Федерального закона от 28.12.2013 № 400-ФЗ «О страховых пенсиях»);

«въ случаяхъ и въ порядкѣ, закономъ опредѣленныхъ» (пункт 75 Свода) – в случаях и порядке, определенных настоящим Законом (пункт 1.1 статьи 28 Закона РФ от 01.04.1993 № 4730-1 «О Государственной границе Российской Федерации»);

«въ случаяхъ и въ предѣлахъ, предусмотрѣнныхъ въ статьѣ 116» (пункт 118 Свода) – в случаях, предусмотренных настоящей статьѣй (пункт 1 Федерального закона от 27.06.2018 № 168-ФЗ «О внесении изменений в статьи 31 и 32.2 Федерального закона "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации"»); в случаях и в пределах, предусмотренных семейным законодательством (пункт 1 статьи 1 Федерального закона от 30.12.2015 № 457-ФЗ «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и статью 256 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»);

«в преуказываемомъ порядкѣ» (пункт 125 Свода) – в установленном порядке (пункт 6 статьи 22 Федерального закона от 07.07.2003 № 126-ФЗ «О связи»);

«§ 7 сего прил.» (приложение к Своду) – в пункте N настоящего приложения (приложение 2 к Федеральному закону от 21.07.1997 № 116-ФЗ «О промышленной безопасности опасных производственных объектов»).

4. Заключительные положения. Безусловно, затронутая в статье проблема и анализируемый материал, в силу глубины и многогранности, не рассмотрены во всех возможных аспектах и нуждаются в дальнейшей научной разработке, более детальном описании. Однако проведенное обзорное исследование позволяет, с одной стороны, сделать вывод о длительном становлении законодательного текста как особого речевого жанра, отражающего процесс формирования представления о генезисе правового содержания и традициях его вербального выражения, с другой стороны, обозначить общие универсальные черты законов, созданных в разные временные периоды, детерминированные как лингвистическими, так и экстралингвистическими факторами.

В ходе развития правовых текстов и юридического языка формальный (структурно-текстовый) и содержательный аспекты закона существенно трансформировались, но предметно-целевой аспект, по сути, сохранился неизменным. Как и ранее, сегодня основная стратегическая цель закона и языка как средства его изложения – это регулирование общественных отношений, определение функций и возможного поведения человека в обществе.

На протяжении длительного периода и в настоящее время законы понимаются как узко (только законы), так и расширительно (законы и иные правовые акты). При этом понятие «закон», рассматриваемое в узком смысле, является родовым по отношению к определенному множеству актов. В частности, корпус современных российских законов представляет собой совокупность автономных текстов, которые могут быть объединены в отдельные классы видов законов. В связи с этим понятие «закон» рассматривается в качестве родового по отношению к понятиям «конституция», «устав», «кодекс», «закон о внесении изменений» и др.

Сохраняется традиция иерархического соотношения законов. Чем выше закон в иерархии, тем не только выше он по значимости, но и больше условий создается для его обсуждения, принятия, изменения, отмены. Цель данных условий – придание высшим по значимости законам особого символического смысла, большей устойчивости содержащихся в таком законе норм. Поэтому объединение законов в классы, наряду с предметным, получает процессуальное обоснование.

Как в языке права, так и на уровне законодательного текста, отражены следующие тенденции их развития:

- преемственность традиций модельного создания правовых текстов, формульных и структурно-содержательных особенностей выражения волеизъявления (правовая рецепция, использование шаблонов разнопредметных и разноцелевых текстов, вспомогательных реквизитов, юридических клише, понятий с устойчивой и вариативной семантикой);

- переход от языковой конкретизации к языковой объективации (от частного к общему) для выражения инвариантного характера понятий и моделируемых ситуаций, преобладание отвлеченных, абстрактных, отлагольных существительных, субстантивации в целом;

- структурное усложнение текста и гипертекстового пространства, интертекстуальных связей, детализация алгоритмов моделируемых действий, обоснованные с точки зрения регулирования максимально широкого спектра общественных отношений, необходимости должной интерпретации и возможности применения правового правила в конкретной ситуации (от общего к частному).

Литература

Аванесов Р.И. К вопросам происхождения и развития русского литературного языка / Проблемы общего и германского языкознания. М., 1978. С. 88-96.

Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. М., 1978.

Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959.

Ганькова Е.Г. Приходно-расходные книги севернорусских монастырей как жанр деловой письменности допетровского времени (на материале рукописей Николо-Корельского монастыря): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Архангельск, 2006.

Десницкая А.В. К изучению языка памятников обычного права / Вопросы языкознания. 1983. № 4. С. 64-74.

Зимин А.А. Правда Русская. М., 1999.

Истратий В.В. Юридическая лексика в русском языке второй половины XVIII века (на материале перевода трактата У. Блэкстона «Истолкование аглинских законов» 1780-1782 гг.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб. 2018.

Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2003.

Косова М.В. Композиционно-речевая структура войсковых грамот XVIII в. / Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2 (2). С. 437-439.

Косова М.В. Признаки законодательного документа в тексте «Русской Правды» / Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2017. Т. 16. № 1. С. 47-52.

Крикоров Н.А. Духовно-нравственные константы права и правовых отношений в современном российском обществе: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Ставрополь, 2017.

Куницын А.П. Русская философия права: философия веры и нравственности: Антология. СПб., 1997.

Ларин Б.А. История русского языка и общее языкознание (Избранные работы). М., 1977. С. 163-175.

Латкин В.Н. Учебник истории русского права периода империи (XVIII и XIX века). М., 2004.

Лотман Ю. Внутри мыслящих миров. СПб., 2016.

Лотман Ю.М. Семиотика культуры и понятие текста. Избранные статьи. Т.1. Таллинн, 1992. [URL: <http://philology.ru/literature1/lotman-92-b.htm>]

Лыкова Н.Н. Генезис языка права: начальный этап (на материале французских и русских документов X-XV веков): автореф. дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2005.

- Мещерский Н.А. Избранные статьи. СПб.: Языковой центр филологического факультета СПбГУ, 1995.
- Милов Л.В. О происхождении Пространной Русской Правды / Вестник МГУ. Серия 8. История. 1989. № 1. С. 3-29.
- Михайловский И.В. Очерки философии права. Томск, 1914.
- Обнорский С.П. Избранные работы по русскому языку. М., 1960.
- Основные законы (XI – XXI века): тысячелетие российского законодательства (памятники российского права с комментариями специалистов): Отчет о научно-исследовательской работе / под рук. директора Института российской истории РАН Ю.А. Петрова. М.: Российская политическая энциклопедия, 2013.
- Пиголкин А.С. Теоретические проблемы правотворческой деятельности в СССР: автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Всесоюзный научно-исследовательский институт советского законодательства. М., 1972.
- Подъяпольская Е.П. Об истории и научном значении издания «Письма и бумага императора Петра Великого» / Археографический ежегодник за 1972 год. М., 1974. С. 56-70.
- Попов Е.Ю. Специальная лексика в региональных памятниках судебного делопроизводства XVII века (на материале деловой письменности Приенисейской Сибири): автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.01. Хабаровск, 2018.
- Попова Л.В. Русская терминология XVIII века в структурно-семантическом и лингвокультурологическом аспектах: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007.
- Селищев А.М. О языке «Русской Правды» в связи с вопросом о древнейшем типе русского литературного языка / Вопросы языкознания. 1957. № 4. 129-140.
- Сильченко Н.В. Закон: Проблемы этимологии, социологии и логики. М., 1993.
- Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002.
- Сперанский М.М. Избранное. М., 2013.
- Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде. Происхождение текстов. М.; Ленинград, 1941.
- Трубецкой Е.Н. Лекции по энциклопедии права. М., 1917. [URL <http://lib.tru.ru/fulltext/m/2009/m37.pdf>]
- Федорченко Е.А. Становление и развитие терминологической лексики таможенного дела в русском языке: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Москва, 2004.
- Фесенко А., Фесенко Т. Русский язык при советах (фрагменты) / Лингвистическая советология / Будаев Э.В., Чудинов А.П. Екатеринбург, 2009. С. 181-195.
- Чичерин Б.Н. Вступительная лекция по Государственному праву, читанная в Московском университете 28 октября 1861 года / Московские ведомости. 1861. № 238. [URL http://dugward.ru/library/gosipravo/chicherin_vstupitelnaya_lekciya_1861.html]
- Чичерин Б.Н. Общее государственное право. М., 2006.
- Щербина Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
- Язык закона / Под ред. А.С. Пиголкина. М., 1990.
- Якубинский Л.П. Избранные работы. Язык и его функционирование. М., 1986.
- Яшин А.Н. Философия русского правосудия: генезис и эволюция идей (IX – XIX): дис. ... докт. философ. наук. Мурманск, 2019.

References

- Avanesov, R.I. (1978) *On the origin and development of the Russian literary language. Problems of General and Germanic Linguistics*. Moscow: Moscow University Publishing House. 88-96. (In Russian).
- Vinogradov, V.V. (1978) *Selected Works. History of the Russian literary language*. Moscow. (In Russian).
- Vinokur, G.O. (1959) *Selected works on the Russian language*. Moscow. (In Russian).
- Gankova, E.G. (2006) *Receipt and expenditure books of the Northern Russian monasteries as a genre of business writing in the pre-Petrine period (based on the manuscripts of the Nikolo-Korelsky monastery)*. Abstract of diss. ... Candidate of Philology. Arkhangelsk. (In Russian).
- Desnitskaya, A.V. (1983) *Towards the Study of the Language of Customary Law Monuments. Questions of linguistics*. 4. 64-74. (In Russian).
- Zimin, A.A. (1999) *Russian Truth*. Moscow. (In Russian).
- Istratiy, V.V. (2018) *Legal vocabulary in the Russian language of the second half of the 18th century (Based on the translation of W. Blackston's treatise "The Interpretation of the Aglinsky Laws" 1780-1782)*. Abstract of diss. ... Candidate of Philology. St. Petersburg. (In Russian).
- Korkunov, N.M. (2003) *Lectures on General Theory of Law*. St. Petersburg. (In Russian).
- Kosova, M.V. (2015) *The compositional-speech structure of military letters of the 18th century*. Bulletin of the Nizhny Novgorod University named after N.I. Lobachevsky. 2 (2). 437-439. (In Russian).
- Kosova, M.V. (2017) *Signs of a legislative document in the text of "Russian Pravda"*. Bulletin of the Volgograd State University. Linguistics. 2017.Vol. 16. 1. 47-52. (In Russian).
- Krikorov, N.A. (2017) *Spiritual and moral constants of law and legal relations in modern Russian society*. Abstract of diss. ... Candidate of Philosophy. Stavropol. (In Russian).
- Kunitsyn, A.P. (1997) *Russian Philosophy of Law: Philosophy of Faith and Morality*. Anthology. St. Petersburg. (In Russian).
- Larin, B.A. (1977) *History of the Russian language and general linguistics (Selected works)*. Moscow: Enlightenment. 163-175. (In Russian).
- Latkin, V.N. (2004) *Textbook of the history of Russian law of the period of the empire (XVIII and XIX)*. Moscow. (In Russian).
- Lotman, Y.M. (2016) *Inside the thinking worlds*. St. Petersburg. (In Russian).
- Lotman, Y.M. (1992) *Semiotics of culture and the concept of text*. Selected articles. Vol.1. Tallinn. [URL: <http://philology.ru/literature1/lotman-92-b.htm>] (In Russian).
- Lykova, N.N. (2005) *Genesis of the language of law: the initial stage (based on French and Russian documents X-XV)*. Abstract of the thesis ... Doctor of Philology. Ekaterinburg. (In Russian).
- Meshchersky, N.A. (1995) *Selected Articles*. St. Petersburg: Language Center of the Faculty of Philology, St. Petersburg State University. (In Russian).
- Milov, L.V. (1989) *On the origin of the Extensive Russian Truth*. Moscow State University Bulletin. Series 8. History. 1. 3-29. (In Russian).
- Mikhailovsky, I.V. (1914) *Essays on the philosophy of law*. Tomsk: Printing house of S.P. Yakovlev. (In Russian).
- Obnorsky, S.P. (1960) *Selected works on the Russian language*. Moscow. (In Russian).
- Basic laws (XI - XXI): the millennium of Russian lawmaking (monuments of Russian law with commentaries by specialists)*. Report on research work (under the direction of the Director of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences Yu.A. Petrov). Moscow. (In Russian).

- Pigolkin, A.S. (1972) *Theoretical problems of lawmaking in the USSR. Abstract of the thesis ... Doctor of Law. All-Union Scientific Research Institute of Soviet Legislation. Moscow. (In Russian).*
- Podyapolskaya, E.P. (1974) *On the history and scientific significance of the publication "Letters and Papers of Emperor Peter the Great". Archaeographic Yearbook for 1972. Moscow: Science. 56-70. (In Russian).*
- Popov, E.Yu. (2018) *Special vocabulary in regional monuments of judicial office work XVII (based on the business writing of the Yenisei Siberia). Abstract of diss. ... Candidate of Philology. Khabarovsk. (In Russian).*
- Popova, L.V. (2007) *Russian terminology XVIII in structural-semantic and linguocultural aspects. Abstract of diss. ... Candidate of Philology. Chelyabinsk. (In Russian).*
- Selishchev, A.M. (1957) *On the language of "Russkaya Pravda" in connection with the question of the most ancient type of Russian literary language. Questions of linguistics. 4.19-140. (In Russian).*
- Silchenko, N.V. (1993) *Law: Problems of Etymology, Sociology and Logic. Moscow. (In Russian).*
- Speransky, M.M. (2002) *A Guide to Understanding the Laws. St. Petersburg. (In Russian).*
- Speransky, M.M. (2013) *Favorites. Moscow. (In Russian).*
- Tikhomirov, M.N. (1941) *Study on Russian Truth. The origin of the texts. Moscow; Leningrad: Publishing house Acad. Sciences of the USSR. (In Russian).*
- Trubetskoy, E.N. (1917) *Lectures on the Encyclopedia of Law. Moscow. [URL: <http://lib.tru.ru/fulltext/m/2009/m37.pdf>.] (In Russian).*
- Fedorchenko, E.A. (2004) *Formation and development of terminological vocabulary of customs in Russian. Abstract of the thesis ... Doctor of Philology. Moscow. (In Russian).*
- Fesenko, A., Fesenko, T. (2009) *Russian language at the councils (fragments). Linguistic Sovietology (Budaev E.V., Chudinov A.P.) Yekaterinburg. 181-195. (In Russian).*
- Chicherin, B.N. (1961) *Introductory Lecture on State Law, delivered at Moscow University on October 28, 1861. Moskovskie vedomosti. 238. [URL: http://dugward.ru/library/gosipravo/chicherin_vstupitel'naya_lekciya_1861.html] (In Russian).*
- Chicherin, B.N. (2006) *General state law. Moscow. (In Russian).*
- Shcherba, L.V. (1957) *Selected works on the Russian language. Moscow. (In Russian).*
- Pigolkin, A.S. (1990) *Language of Law. Moscow. (In Russian).*
- Yakubinsky, L.P. (1986) *Selected works. Language and its functioning. Moscow. (In Russian).*
- Yashin, A.N. (2019) *Philosophy of Russian justice: genesis and evolution of ideas (IX - XIX). : Abstract of the thesis ... Doctor of Philosophy. Murmansk. (In Russian).*

Citation:

Батюшкина М.В. Общий взгляд на развитие языка права и законодательных текстов. // Юрислингвистика. – 2021. – 19. – 5-14
Batyushkina, M. V. (2021). General view on the development of the language of law and legislative texts. Legal Linguistics, 19, 5-14.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---

О некоторых тенденциях языковой политики в Федеративной Республике Германии

Е. И. Кожевникова

*Пензенский государственный университет
ул. Красная, 40, 440000, Пенза, Россия. E-mail: katharina2178@mail.ru*

Статья кратко характеризует современные тенденции языковой политики в Федеративной Республике Германии. В работе даются определения основных категорий, характеризующих языковую политику, анализируются нормативно-правовые акты Германии как федерального, так и регионального уровней. Согласно общепринятым классификациям, языковая политика Германии определяется как ретроспективная и демократичная, а её вид – как языковой плюрализм.

Ключевые слова: языковая политика, литературный язык, диалект, государственный язык, Федеративная Республика Германия.

On Some Trends in the Language Policy in Federal Republic of Germany

E. I. Kozhevnikova

*Penza State University
40 Krasnaya str., Penza, Russia, 440000. E-mail: katharina2178@mail.ru*

This article briefly describes the current trends in language policy in the world on the example of the Federal Republic of Germany. The article gives definitions of the main categories that characterize the language policy, quotes from regulatory acts of Germany at both the federal and regional levels. According to generally accepted classifications, German language policy is defined as retrospective and democratic while its type as linguistic pluralism.

Key words: language policy, literary language, dialect, national language, Federal Republic of Germany.

Язык в современном мире – это явление социальное. Существование языка вне социума не представляется возможным, а общество сегодня подчиняется определенным общепринятым правилам, закрепленным документально в нормативных правовых актах. Таким образом, язык функционирует в правовом поле государства. Каждое государство проводит свою собственную языковую политику, и ФРГ не является исключением из этого правила. Германия – государство федеративное, которое состоит из шестнадцати федеральных земель, имеет один литературный язык (немецкий) и двадцать его диалектов (Alemansisch, Allgäuerisch, Bairisch, Berlinerisch, Fränkisch, Hamburgerisch, Hessisch, Kölsch, Mecklenburgisch, Moselfränkisch, Niederreinish, Ostfriesisch, Pfälzisch, Ruhrpottdeutsch, Saarländisch, Sächsisch, Saterfriesisch, Schwäbisch, Thüringisch, Westfällisch) [Dialektatlas, 2020]. «В немецком языке существует две основные группы [диалектов]: нижненемецкая и средне- и верхненемецкая. Граница между этими группами условно проходит от Дюссельдорфа (федеральная земля Северный Рейн-Вестфалия) через линию Бенрат (Benrather Linie), названную в честь места Бенрат (Benrath), в котором данная условная линия пересекает Рейн. Севернее этой границы говорят на нижненемецких диалектах, южнее – на средне- и верхненемецких» [Dialekt verstehen 2017: 36-37] (перевод с немецкого здесь и далее мой – Е. К.). Именно ввиду такого языкового многообразия языковая политика Германии представляет интерес для исследований.

Согласно Словарю лингвистических терминов, «языковая политика – совокупность мер, принимаемых государством, партией, классом, общественной группировкой для изменения или сохранения существующего функционального распределения языков и языковых подсистем, для принятия новых или сохранения употребляющихся языковых норм. Языковая политика классифицируется по следующим признакам: 1) ретроспективность (ориентация на сохранение существующей языковой ситуации), перспективность (ориентация на изменение языковой ситуации); 2) демократичность (учет интересов всех слоев населения, всех народов страны), недемократичность (учет интересов элиты и/или только демографически или социально доминирующего этноса). Виды языковой политики: 1) языковой плюрализм; 2) национализм; 3) языковой нигилизм; 4) страннизм; 5) языковой пуризм» [Жеребило 2010: 479]. В дальнейшем мы планируем рассмотреть нормативные факты в области языкового законодательства ФРГ в целях классификации языковой политики этой страны.

Вследствие того, что общение носителей разных диалектов¹ немецкого языка зачастую затруднено или невозможно из-за значительных отличий одного диалекта от другого, литературный² немецкий язык (Hochdeutsch) играет роль «наддиалектного» языка, языка федеральных органов власти и СМИ. Однако литературный немецкий язык не имеет в Германии законодательно закрепленного статуса. Конституция ФРГ не содержит статей, посвященных государственному³ языку, а также не имеет законов и иных нормативных правовых актов, как-либо определяющих статус немецкого языка. В настоящее время существует только проект закона о наделении немецкого языка статусом государственного «Разработка. Тема: языки в Конституции. Немецкий Бундестаг. 2 марта 2006» [Ausarbeitung... 2006]. Единственным нормативно-правовым документом федерального уровня является Договор между Федеративной Республикой Германией и Германской Демократической Республикой об объединении Германии (соглашение об объединении), в котором определяется статус района городов Коттбус и Дрезден как двуязычной (немецкий и серболужицкий (сорбский) языки):

(1) § 2 der Vierten Durchführungsbestimmung vom 20. Dezember 1968 zum Gesetz über das einheitliche sozialistische Bildungssystem – Bildung und Erziehung im zweisprachigen Gebiet der Bezirke Cottbus und Dresden [Vertrag zwischen... 1990: 3].

(1) Параграф 2 четвертого постановления от 20 декабря 1968 г. «О единой социалистической системе образования – образование в двуязычных районах городов Коттбус и Дрезден [Договор между... 1990: 3].

Кроме того в п. 3 ст. 3 Главы I Конституции ФРГ содержатся следующие положения:

(2) Niemand darf wegen seines Geschlechtes, seiner Abstammung, seiner Rasse, seiner Sprache, seiner Heimat und Herkunft, seines Glaubens, seiner religiösen oder politischen Anschauungen benachteiligt oder bevorzugt werden. Niemand darf wegen seiner Behinderung benachteiligt werden [Grundgesetz... 1949: 2].

(2) Никто не может быть подвергнут дискриминации из-за своего пола, происхождения, расы, языка, происхождения, убеждений, религиозных или политических взглядов. Никто не должен быть подвергнут дискриминации из-за своей инвалидности [Конституция... 1949: 2].

Таким образом, Конституция ФРГ фактически определяет языковую политику государства в духе языкового плюрализма, закрепляя равенство граждан вне зависимости от используемого ими языка.

Вместе с тем в немецком федеральном законодательстве четко прописаны необходимые языковые компетенции иммигрантов в строгом соответствии с CEFR (Common European framework of reference) (Общеввропейская шкала языковых компетенций). Пункты 9-12 параграфа 2 Закона о проживании, трудоустройстве и интеграции иностранцев на федеральной территории (Закон о проживании) гласят:

(3) 9) Einfache deutsche Sprachkenntnisse entsprechen dem Niveau A1 des Gemeinsamen Europäischen Referenzrahmens für Sprachen (Empfehlungen des Ministerkomitees des Europarates an die Mitgliedstaaten Nr. R (98) 6 vom 17. März 1998 zum Gemeinsamen Europäischen Referenzrahmen für Sprachen).

10) Hinreichende deutsche Sprachkenntnisse entsprechen dem Niveau A2 des Gemeinsamen Europäischen Referenzrahmens für Sprachen.

11) Ausreichende deutsche Sprachkenntnisse entsprechen dem Niveau B1 des Gemeinsamen Europäischen Referenzrahmens für Sprachen.

11a) Gute deutsche Sprachkenntnisse entsprechen dem Niveau B2 des Gemeinsamen Europäischen Referenzrahmens für Sprachen.

12) Die deutsche Sprache beherrscht ein Ausländer, wenn seine Sprachkenntnisse dem Niveau C1 des Gemeinsamen Europäischen Referenzrahmens für Sprachen entsprechen [Gesetz über den Aufenthalt... 2004: 9].

(3) 9) Элементарный уровень владения немецким языком соответствует уровню A1 Общеввропейской шкалы языковых компетенций (рекомендации Комитета министров Совета Европы государствам-членам № R (98) 6 от 17 марта 1998 г. «Общеввропейская шкала языковых компетенций»).

10) Достаточный уровень владения немецким языком соответствует уровню A2 Общеввропейской шкалы языковых компетенций.

11) Удовлетворительный уровень владения немецким языком соответствует уровню B1 Общеввропейской шкалы языковых компетенций.

11a) Хороший уровень владения немецким языком соответствует уровню B2 Общеввропейской шкалы языковых компетенций.

12) Иностранец свободно владеет немецким языком, если его языковые навыки соответствуют уровню C1 Общеввропейской шкалы языковых компетенций [Закон о проживании... 2004: 9].

Таким образом, хотя в Конституции ФРГ и декларируется равенство граждан вне зависимости от языка, в Законе о проживании именно немецкий является языком, необходимость владения которым закреплена в иммиграционном законодательстве ФРГ. Закон о проживании является одним из механизмов сохранения и охраны литературного немецкого языка и способствует овладению им в среде иммигрантов. Пункт 4 § 25b данного Закона гласит:

(4) § 25b Aufenthaltsgewährung bei nachhaltiger Integration

1) <...> eine Aufenthaltserlaubnis erteilt werden, wenn er sich nachhaltig in die Lebensverhältnisse der Bundesrepublik Deutschland integriert hat. Dies setzt regelmäßig voraus, dass der Ausländer <...>:

4) über hinreichende mündliche Deutschkenntnisse im Sinne des Niveaus A2 des Gemeinsamen Europäischen Referenzrahmens für Sprachen verfügt [Gesetz über den Aufenthalt... 2004: 44].

(4) § 25b Разрешение на длительное пребывание с последующей интеграцией

1) вид на жительство предоставляется иностранцу, который постоянно был вовлечен в условия жизни Федеративной республики Германия. Это предполагает, что иностранец <...>:

¹ Диалект [греч. Dialektos] – местное или социальное наречие, говор, являющиеся разновидностью общенародного языка [Жеребило 2010: 110].

² Литературный язык – исторически сложившаяся обработанная форма существования языка народности или национального языка. Литературный язык как высшая форма языка характеризуется богатством словарного состава, упорядоченностью грамматического строя, развитой системой стилей, строгим соблюдением орфографических и пунктуационных правил. Его существенный признак – письменная фиксация. Но это не только язык письменности, но и устный язык государственных и общественных учреждений, школы и театра, радио и телевидения [Жеребило 2010: 183].

³ Государственный язык – официально признанный и закрепленный каким-либо правовым документом в качестве языка государственного общения. В одной и той же стране языков может быть два и более (в Канаде – английский и французский, в Швейцарии – немецкий, французский, итальянский, ретороманский) [Жеребило 2010: 77].

4) имеет достаточный уровень владения разговорным немецким языком, в соответствии с уровнем A2 Европейской шкалы языковых компетенций [Закон о проживании... 2004: 44].

Таким образом, для пребывания на территории Германии иммигрантам необходимо владеть немецким языком, как минимум, на уровне A2.

Продолжая тему обучения иммигрантов в Германии немецкому языку, следует отметить исследования отечественных ученых, а именно А.И. Едличко, которая в своей статье освещает как тему иноязычного образования в Германии, так и языковую интеграцию иммигрантов. Автор приводит конкретные данные о том, во сколько обучение обходится немецкому правительству и каков процент иммигрантов, закончивших специальные курсы: «Если цифры, относящиеся к федеральной земле Мекленбург-Передняя Померания, спроецировать на всю страну, то окажется, что только каждый второй беженец оканчивает бесплатно предоставленный языковой курс, а из 300 млн евро, выделяемых Федеральным агентством по трудоустройству, 150 млн евро выбрасывается на ветер» [Едличко 2017: 124]. Иными словами, примерно лишь половина беженцев в ФРГ осваивает немецкий язык на минимально необходимом и определенном законодательством уровне.

Хотя правовой статус литературного немецкого языка и его диалектов в Германии так и не утверждены, государство разрабатывает и проводит комплекс мер, направленных на их сохранение и развитие. Кроме того, внимание уделяется и поддержке языковых меньшинств. Немецкий Бундестаг разработал документ «Текущая ситуация. Региональные и миноритарные языки, их продвижение в Германии» [Sachstand... 2019], предисловие которого гласит:

(5) Die am 5. November 1992 vom Europarat gezeichnete Europäische Charta der Regional- oder Minderheitensprachen wurde durch die Bundesregierung 1998 ratifiziert und trat am 1. Januar 1999 in Kraft.

1. Anerkannte Regional- und Minderheitensprachen in Deutschland

In Deutschland werden sechs Minderheitensprachen nach der Charta geschützt:

- Dänisch bei den Dänen in Schleswig-Holstein <...>,
- Niedersorbisch bei Sorben in Brandenburg <...>,
- Obersorbisch, bei Sorben in Sachsen <...>,
- Nordfriesisch bei Friesen in Schleswig-Holstein und Niedersachsen <...>,
- Saterfriesisch, die Sprache der Saterfriesen, eine Variante der ostfriesischen Sprache <...>,
- Romanes, die Sprache der (Sinti) und Roma <...>.

Die Regionalsprache ‚Niederdeutsch‘ <...> wird ebenfalls als eigenständige Sprache geschützt. Sie wird in acht der sechzehn deutschen Bundesländer gesprochen: in Bremen, Hamburg, Mecklenburg-Vorpommern, Niedersachsen und Schleswig-Holstein, sowie in Brandenburg, Nordrhein-Westfalen und Sachsen-Anhalt [Sachstand... 2019: 5 - 6].

(5) Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств, принятая Советом Европы 5 ноября 1992 года, была ратифицирована федеральным правительством в 1998 году и вступила в силу 1 января 1999 года.

1. Признанные региональные языки и языки меньшинств в Германии

В соответствии с Хартией в Германии подлежат защите шесть языков языковых меньшинств:

- датский – среди датчан в Шлезвиг-Гольштейне;
- нижне-сорбский (нижне-серболужицкий) – среди серболужицких (сорбских) славян в Бранденбурге;
- верхне-сорбский (верхне-серболужицкий) – среди серболужицких (сорбских) славян в Саксонии;
- северный фризский – у фризцев в Шлезвиг-Гольштейне и Нижней Саксонии;
- затер-фризский – язык затер-фризцев, вариант восточно-фризского языка;
- цыганский – язык (синти) и цыган.

Региональный («нижненемецкий») язык <...> также защищен как самостоятельный язык. На нем говорят в восьми из шестнадцати федеральных земель Германии: в Бремене, Гамбурге, Мекленбург-Передней Померании, Нижней Саксонии и Шлезвиг-Гольштейне, а также в Бранденбурге, Северной Рейн-Вестфалии и Саксонии-Анхальт [Текущая ситуация... 2019: 5-6].

Приведенный документ еще больше раскрывает многогранность языковой политики в Германии, т. к. помимо указанных выше двадцати диалектов немецкого языка на территории страны имеются еще шесть языковых меньшинств, которые находятся под защитой законодательства ФРГ.

В ст. 2.1 документа приводятся меры поддержки языковых меньшинств:

(6) 2.1. Nationale / regionale Grundsätze zur Förderung regionaler Minderheitensprachen
Fünf Bundesländer - Bremen, Hamburg, Mecklenburg-Vorpommern, Niedersachsen und Schleswig-Holstein - stellten das Niederdeutsche unter den Schutz von Teil III der Sprachencharta. Aus einem breiten Spektrum von Aspekten und Maßnahmen formten sie jeweils einen Aktionsplan aus mindestens 35 Punkten, zu deren Einhaltung sie sich verpflichteten. <...>

Die Bewahrung der niederdeutschen Sprache, Literatur und Kultur wird insbesondere durch das Institut für niederdeutsche Sprache (INS) in Bremen unterstützt, dessen Arbeit finanziell durch einige Länder und den Bund gefördert wird. <...> Das INS kooperiert mit Schulen, Kindergärten, Autoren, Pastoren, Musikern, Medien- und Theaterleuten sowie mit Vereinen und Verbänden. Das INS mit Sitz in Bremen wird von einem 1973 gegründeten Verein getragen.

Das Recht, die sorbische Sprache zu erlernen und in festzulegenden Fächern und Jahrgangsstufen in der sorbischen Sprache unterrichtet zu werden, wird für Schüler im sorbischen Siedlungsgebiet sowohl durch das Sächsische Schulgesetz (§2) als auch das Brandenburgische Schulgesetz (§5) garantiert. 1991 wurde durch Lehrer, Erzieher und Eltern der Sorbische Schulverein ins Leben gerufen, der als Fachverein sorbische Interessen im Bildungswesen vertritt und als Ansprechpartner dient [Sachstand... 2019: 7-8].

(6) 2.1. Национальные / региональные принципы продвижения региональных миноритарных языков

Пять федеральных земель – Бремен, Гамбург, Мекленбург-Передняя Померания, Нижняя Саксония и Шлезвиг-Гольштейн – поставили нижненемецкий язык под защиту части III Хартии языков. Из множества аспектов и мер каждая из них сформировала план действий, содержащий не менее 35 пунктов, которые обязательны для соблюдения. <...>

Сохранение нижненемецкого языка, литературы и культуры поддерживается, в частности, Институтом нижненемецкого языка (ИНЯ) в Бремене, работа которого осуществляется при финансовой поддержке федеральных земель и федерального правительства. <...> ИНЯ сотрудничает со школами, детскими садами, авторами, пасторами, музыкантами, представителями СМИ и театра, а также с клубами и ассоциациями. ИНС, располагающийся в Бремене, управляется ассоциацией, основанной в 1973 году.

Право изучать серболужицкий (сорбский) язык и обучаться на нем в школе гарантируется ученикам в серболужицких (сорбских) поселениях как Законом о школьном образовании в Саксонии (§2), так и Законом о школьном образовании в Бранденбурге (§5). В 1991 году учителя, педагоги и родители основали Серболужицкую (Сорбскую) школьную ассоциацию, которая представляет

интересы их в сфере образования и выступает в качестве контактного лица [Текущая ситуация... 2019: 7-8].

Таким образом, хотя власти ФРГ и не закрепляют законодательно статус миноритарных языков, на законодательном уровне проработаны меры их поддержки. В частности, утверждено изучение миноритарных языков в государственных образовательных учреждениях, образованы и финансируются специальные научные и общественные организации (ИНЯ и др.), приняты прочие меры для поддержки и сохранения языков на федеральном уровне.

Вопросы языковой политики решаются и на региональном уровне в законодательстве федеральных земель. Так, на территории Баварии было принято Уведомление Баварского государственного министерства для образования и культуры, науки и искусства от 17 июня 2014 «Языковое образование: сохранение и поддержка немецкого языка как задача всех образовательных учреждений», в котором подчеркивается исключительная значимость как языка, так и получаемого на нем образования:

(7) Die Sprache ist eine der höchsten Kulturleistungen des Menschen. Sie ist Träger von Sinn und Überlieferung, Schlüssel zum Welt- und Selbstverständnis sowie zentrales Mittel zwischenmenschlicher Verständigung. <...> Sprachliche Bildung stellt folglich eine wesentliche Aufgabe dar, die von allen Schularten und allen Fächern getragen wird. Dies gilt an bayerischen Schulen in erster Linie für die deutsche Sprache, die in Schule und Unterricht die primäre Bildungssprache darstellt [Sprachliche Bildung... 2014: 1].

(7) Язык – это высшее культурное достижение человечества. Он является носителем смысла и традиций, ключом к пониманию мира и самих себя, как основное средство понимания людей. <...> Языковое образование, следовательно, представляет собой важную задачу, которая осуществляется во всех видах школ и на всех предметах. Это относится в баварских школах в первую очередь к немецкому языку, который является основным языком образования в школе [Языковое образование... 2014: 1].

На странице 2 документа закрепляется роль немецкого языка:

(8) Leitfach der sprachlichen Bildung ist das Fach Deutsch, Leitbild und Norm die deutsche Standardsprache [Sprachliche Bildung... 2014: 2].

(8) Основным предметом языкового образования является немецкий язык, образец и нормы стандартного немецкого языка [Языковое образование... 2014: 2].

На следующей странице подчеркивается важность обучения письменному немецкому языку:

(9) Eine besondere Bedeutung bei der Pflege der deutschen Sprache in der Schule hat die Stärkung der Lesekompetenz in allen Fächern. Die Vermittlung von Methoden und Strategien für das Verstehen von Sachtexten und literarischen Texten spielt dabei eine besondere Rolle [Sprachliche Bildung... 2014: 3].

(9) Особое значение для немецкого языка в школе имеет укрепление навыков чтения по всем предметам. Опосредование методов и стратегий для понимания специальных и литературных текстов играет при этом особую роль [Языковое образование... 2014: 3].

В завершении документа подчеркивается исключительная важность языкового образования в Баварии:

(10) Sprachliche Bildung ist eines der zentralen schulart- und fächerübergreifenden Bildungs- und Erziehungsziele, die den Lehrplänen aller Schularten zugrunde liegen. Alle Lehrkräfte sind beauftragt, das Ziel der Sprachlichen Bildung sowohl im Fachunterricht als auch in fächerverbindenden Projekten sowie im Schulleben schrittweise und ergebnisorientiert umzusetzen: Lehrerkonferenz und Fachschaften greifen das Thema «Sprachliche Bildung im Deutschen als Aufgabe aller Schularten und aller Fächer» regelmäßig auf und erarbeiten Maßnahmen zu seiner Umsetzung im Unterricht [Sprachliche Bildung... 2014: 3].

(10) Языковое образование является центральной школьной и межпредметной образовательной и воспитательной целью, которая лежит в основе учебных планов школ всех типов. Всем педагогам поручено постепенно и ориентированно реализовывать цель языкового образования как на предметных уроках, так и в предметных проектах, а также в школьной жизни: педагогические конференции регулярно затрагивают тему «Языковое образование на немецком языке как задача всех видов школ и предметов» и разрабатывают меры по его реализации на уроке [Языковое образование... 2014: 3].

Затрагивая сферу языкового образования, необходимо осветить и аспект иноязычного обучения в ФРГ. А.И. Едличко в своей статье говорит о мультилингвальном векторе развития иноязычного образования в Германии: «Принцип многоязычия, реализуемый в рамках принятой в Евросоюзе стратегической модели «1+2», предполагает владение родным языком и двумя иностранными. Как первый иностранный язык в детских садах и школах чаще всего изучается английский, который является школьным предметом на начальной и средней образовательных ступенях и равнозначным средством обучения наряду с государственным(-и) языком(-ами) в двуязычных школах и гимназиях» [Едличко 2018: 79-80]. Таким образом, в ФРГ пристальное внимание уделяется изучению не только родного языка, но и иностранных.

В Баварии принято Совместное уведомление Министерства образования и культуры и Министерства внутренних дел Баварии, которое гласит:

(11) Die Eigenart der bayerischen Stämme drückt sich nicht nur in der landschaftsgebundenen Bauweise aus, sondern vor allem in der Vielgestaltigkeit des Volkstums, den landschaftlichen und örtlichen Sonderformen, wie sie in Mundart, Lied und Kleidung lebendig sind. [Heimatpflege... 1981: 3].

(11) Самобытность баварцев выражается не только в строительстве, но и в многогранности народного творчества, особенностях ландшафта, всем том, что живет в диалекте, песнях и народной одежде [Сохранение наследия... 1981 : 3].

Подводя итог анализу приведенных выше текстов нормативных правовых актов ФРГ, языковую политику Германии мы можем определить как ретроспективную и демократичную, а ее вид – как языковой плюрализм. Однако несмотря на то, что разработаны и законодательно закреплены разнообразные комплексы мер по сохранению языкового разнообразия государства (сохранение диалектов, миноритарных языков, особое внимание уделяется обучению иностранным языкам и проч.), отсутствует само понятие государственного языка. Есть немецкий литературный язык, который правового статуса не имеет, хотя и является языком общения и взаимопонимания для представителей различных диалектов и языком, обязательным для овладения иммигрантами. Идея о легализации статуса немецкого языка в Германии существует с 2006 года, разработан проект внесения поправок в Конституцию ФРГ, однако и по сей день они не имеют юридической силы

Литература

Жеребило Т.В. *Словарь лингвистических терминов. Изд. 5-е, испр. и доп. Назрань: 2010.*

Едличко А.И. Коммерциализация языка в аспекте языковой политики государства/ *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* - 2017. - № 4. - С. 118-127.

Едличко А.И. Социальный статус английского языка в системе образования немецкоязычных стран/ *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация.* - 2018. - № 2. - С. 77-86.

Dialekt verstehen/ Deutsch perfekt. SpotlightVerlag. - 2017. - № 11. - С. 36-43.

Ausarbeitung. Thema: Sprache im Grundgesetz. Deutscher Bundestag, 2. März 2006 (Разработка. Тема: языки в Конституции. Немецкий Бундестаг. 2 марта 2006).

Gesetz über den Aufenthalt, die Erwerbstätigkeit und die Integration von Ausländern im Bundesgebiet (Aufenthaltsgesetz). Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz, 30.07.2004 (Закон о проживании, найме и интеграции иностранцев на федеральной территории (Закон о проживании). Федеральное министерство юстиции и защиты прав потребителей. 30.07.2004).

Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland, 23.05.1949 (Конституция Федеративной Республики Германия. 23.05.1949).

Heimatspflege in den Landkreisen, kreisfreien Städten und Großen Kreisstädten (Heimatspflege-Richtlinien). Gemeinsame Bekanntmachung des Bayerischen Staatsministeriums für Unterricht und Kultur und des Bayerischen Staatsministeriums des Innern vom 17. Februar 1981 (Сохранение наследия в городских округах, городах без округов и крупных окружных городах (Директива сохранения наследия). Совместное уведомление Министерства образования, культуры и МВД Баварии от 17 февраля 1981).

Sachstand. Regional- und Minderheitensprachen und ihre Förderung in Deutschland. Deutscher Bundestag, 12. März, 2019 (Текущая ситуация. Региональные и миноритарные языки, их продвижение в Германии. Немецкий Бундестаг. 12 марта 2019).

Sprachliche Bildung: Pflege und Erhalt der deutschen Sprache als Aufgabe aller Schularten und aller Fächer. Bekanntmachung des Bayerischen Staatsministeriums für Bildung und Kultus, Wissenschaft und Kunst vom 17. Juni 2014 (Языковое образование: сохранение и поддержка немецкого языка как задача всех образовательных учреждений. Уведомление Баварского государственного министерства для образования и культа, науки и искусства от 17 июня 2014).

Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Deutschen Demokratischen Republik über die Herstellung der Einheit Deutschlands (Einigungsvertrag). Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz, 31.08.1990 (Договор между Федеративной Республикой Германии и Германской Демократической Республикой об объединении Германии (Договор об объединении). Федеральное министерство юстиции и защиты прав потребителей. 31.08.1990).

Deutsche Welle. Dialektatlas. [URL: <https://www.dw.com/de/deutsch-lernen/dialektatlas/s-8150>]

References

Zherebilo, T.V. (2010). Dictionary of linguistic terms. The 5th ed. Moscow (in Russian).

Edlichko, A.I. (2017). Commercialization of language in the language policy of the State. Bulletin of Moscow University. Ser. 19. Linguistics and intercultural communication, 4, 118-127 (in Russian).

Edlichko, A.I. (2018). Social status of the English language in the education system of German-speaking countries. Bulletin of Moscow University. Ser. 19, 2, 77-86 (in Russian).

Dialekt verstehen (2017). Deutsch perfekt. SpotlightVerlag, 11, 36-43.

Ausarbeitung. Thema: Sprache im Grundgesetz. Deutscher Bundestag, 2. März 2006.

Gesetz über den Aufenthalt, die Erwerbstätigkeit und die Integration von Ausländern im Bundesgebiet (Aufenthaltsgesetz). Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz, 30.07.2004.

Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland, 23.05.1949.

Heimatspflege in den Landkreisen, kreisfreien Städten und Großen Kreisstädten (Heimatspflege-Richtlinien). Gemeinsame Bekanntmachung des Bayerischen Staatsministeriums für Unterricht und Kultur und des Bayerischen Staatsministeriums des Innern vom 17. Februar 1981.

Sachstand. Regional- und Minderheitensprachen und ihre Förderung in Deutschland. Deutscher Bundestag, 12. März, 2019.

Sprachliche Bildung: Pflege und Erhalt der deutschen Sprache als Aufgabe aller Schularten und aller Fächer. Bekanntmachung des Bayerischen Staatsministeriums für Bildung und Kultus, Wissenschaft und Kunst vom 17. Juni 2014.

Vertrag zwischen der Bundesrepublik Deutschland und der Deutschen Demokratischen Republik über die Herstellung der Einheit Deutschlands (Einigungsvertrag). Bundesministerium der Justiz und für Verbraucherschutz, 31.08.1990.

Deutsche Welle. Dialektatlas. [URL: <https://www.dw.com/de/deutsch-lernen/dialektatlas/s-8150>].

Citation:

Кожевникова Е.И. О некоторых тенденциях языковой политики в Федеративной Республике Германии. // Юрислингвистика. – 2021. – 19. – 15-19.

Kozhevnikova, E. I. (2021). On Some Trends in the Language Policy in Federal Republic of Germany. Legal Linguistics, 19, 15-19.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Проблемы содержания конституционной категории «труд»

А.Е. Канакова

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: kananna19@yandex.ru*

Статья посвящена исследованию конституционной категории «труд», дефиниция которой не закрепляется в законодательных актах потому, что считается, что общеизвестная категория, не являющаяся специальной юридической категорией, не нуждается в каком-либо разъяснении. Однако такой подход создает сложности для правового регулирования, так как размывает границы для законодателя и правоприменителя. Отсутствие осознания сущности регулируемой категории может привести к ситуации, когда законодатель, создавая новый закон или внося изменения в уже существующий, подвергнет регулированию ту сферу, которая не имеет отношения к соответствующему правовому явлению или наоборот – проигнорирует часть содержания регулируемой категории, что, несомненно, негативно скажется на качестве правового регулирования. Правоприменительная практика аналогично сталкивается с трудностями наличия только доктринальных пониманий юридических конструкций, что порождает разрозненность в решениях, принимаемых юристами в рамках их профессиональной деятельности. Конституция Российской Федерации 1993 года закрепила категорию «труд» в ряде статей, но не внесла ясность в понимание ее сущности. Проведенный анализ экономических и правовых взглядов на труд позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на статус общеизвестной категории, которая, казалось бы, не нуждается в объяснении, только наличие четких критериев признания деятельности трудовой позволяет провести качественное правовое регулирование, в частности, позволяет не только отделить виды деятельности, не подпадающей под правовое регулирование, но и правильно выбрать отрасль права, регулирующую общественные отношения, сложившиеся в каждом конкретном случае.

Ключевые слова: труд ; право на труд ; свобода труда ; конституционная категория.

Problematics of the Content of "Labor" Constitution Category

E. Kanakova

*Altai State University
61 Lenin St., Barnaul, Russia, 656049. E-mail: kananna19@yandex.ru*

The article discusses the constitutional category of «labour», the definition of which is not enshrined in legislative acts because it is considered to be a well-known category, which is not a special legal one and does not require any clarification. However, this approach creates difficulties for legal regulation, as it blurs the boundaries for the legislator and the executor. Lack of awareness of the concept of a regulated category can lead to a situation when the legislator, creating a new law or making amendments to an existing one, will subject to regulation the area that does not pertain to the relevant legal phenomenon, or vice versa - will ignore part of the content of the regulated category, which is certain to negatively affect the quality of legal regulation. Law enforcement practices similarly face difficulties in having only doctrinal understandings of statutory concepts, which creates inconsistency in decisions made by lawyers in course of their professional work. The 1993 Constitution of the Russian Federation enshrined the category of «labour» in a number of articles, but did not clarify the interpretation of its concept. The analysis of economic and legal views on labor allows us to conclude that, despite the status of a well-known category, which, it would seem, does not need an explanation, only the presence of clear criteria for recognizing an activity as labor, provides high-quality legal regulation, in particular, it allows not only to separate the types of activities that are not subject to legal regulation, but also to choose the right branch of law that regulates social relations in each particular case.

Key words: labor; the right to labor; freedom of labor; constitutional category.

Развитие любой отрасли законодательства тесно связано с процессом выявления смысла тех или иных терминов и категорий, происходящем в практической или научной сфере. Без четкого понимания того, что скрывается за той или иной категорией, невозможно правильное регулирование соответствующей сферы, а также корректное применение закрепленных норм. Отсутствие осознания сущности регулируемой категории может привести к ситуации, когда законодатель, создавая новый закон или внося изменения в уже существующий, подвергнет регулированию ту сферу, которая не имеет отношения к соответствующему правовому явлению или наоборот – проигнорирует часть содержания регулируемой категории, что, несомненно, негативно скажется на качестве

правового регулирования. Правоприменительная практика аналогично сталкивается с трудностями наличия только доктринальных пониманий юридических конструкций, что порождает разрозненность в решениях, принимаемых юристами в рамках их профессиональной деятельности.

Однако помимо очевидной проблемы отсутствия законодательного определения той или иной категории можно обозначить сложность, порождаемую так называемыми общеизвестными категориями. Категории, известные широкому кругу лиц, настолько естественно вписались в жизнедеятельность человека, что воспринимаются как явления, не требующие какого-либо пояснения и уточнения. К категориям такого рода можно отнести такие явления как «жизнь», «человек», «народ», «мысль», «слово», «труд» и т.п. Общеизвестные категории не следует путать с оценочными категориями, так как содержание последних должно устанавливаться в рамках конкретного дела с учетом всех частных обстоятельств, в то время как общеизвестные категории достаточно редко становятся объектом исследований, направленных на выявление их сущности.

Необходимость установления четкого содержания категорий, которые известны всем, носит принципиальный характер для юридической деятельности, так как, несмотря на существование устоявшегося общего понимания какого-либо явления, уточняющие детали могут значительно отличаться от субъекта к субъекту, что неприемлемо для проведения качественного правового регулирования.

Несмотря на обилие в нормативных правовых актах общеизвестных категорий, рассмотрению в рамках данного исследования подлежит категория «труд». Данная категория упоминается в четырех статьях (ст. 7, 37, 75 и 75.1) Конституции Российской Федерации 1993 года (далее – Конституция РФ), в которых труд охраняется, гарантируется минимальный размер оплаты труда, закрепляется свобода труда, предоставляется возможность распоряжаться своими способностями к труду, запрещается принудительный труд, дается право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, уважается труд граждан, а также гарантируется уважение человека труда. Разумеется, Конституция РФ и развивающий ее положения Трудовой кодекс Российской Федерации вносят ясность в содержание положений, связанных с конкретными правами и свободами в трудовой сфере, но при этом обходят стороной вопрос о том, что же такое «труд».

Первые представления о труде можно найти в учениях религиозного или философского характера [Карпов 1940: 183]. Однако во времена рабовладения и средневековья отсутствовали причины исследовать сущность, формы, роль трудовой деятельности, трудовых отношений в обществе. Базирование рабовладельческого строя на принудительном труде обуславливало то, что значение имели исключительно экономические интересы рабовладельцев, чье доминирующее положение в обществе не нуждалось в научном обосновании и правовом подтверждении. Рабы признавались вещами своих господ, не имели никаких прав и свобод, поэтому вся та деятельность, которую осуществляли рабы, подчинялась воле рабовладельца и не нуждалась в какой-либо классификации. Во времена Средневековья (V-XVII вв.) не произошло существенного изменения общественного и правового положения подавляющей части крепостных крестьян и иного лично и экономически зависимого населения. Следовательно, в указанные периоды отсутствовала необходимость определения того, какая деятельность может быть названа трудом. Для появления правовых норм, актов, регулирующих трудовую деятельность, а также закрепления основных положений в сфере труда еще не возникло социально-экономических, политико-правовых и организационных условий.

Промышленный переворот XVII-XIX вв. обозначил экономические предпосылки сопровождения перехода от принуждения к труду рабов и феодально зависимых крестьян к новым экономическим реалиям. Данный этап сопровождался развитием формально-юридической свободы личности, появлением частной собственности, предпринимательства, отторжением большей части населения от средств производства, нарастанием противостояния между «трудом и капиталом» [Деева 2016: 26]. Отмена крепостной зависимости породила наличие свободной рабочей силы, которую было необходимо встроить в капиталистические отношения, обеспечивающие в первую очередь потребность нового класса – буржуазии. Результатом указанных трансформаций стало по крайней мере формальное существование правовых отношений в сфере труда, когда человек был вынужден свободно и по своему усмотрению продавать единственный принадлежащий ему товар – рабочую силу. Данные изменения в устройстве общества стали толчком для развития научной мысли, формирующей экономическое обоснование и правовое регулирование нового для того времени явления и нового вида отношений.

Изначально труд являлся исключительно экономической категорией, причем признавался одной из базовых категорий экономической теории. Однако содержание данной категории экономистами определялось совершенно по-разному. В частности, авторитетные экономисты XVII-XIX вв. У. Петти и Д. Рикардо рассматривали труд как специфический товар. По мнению А. Смита, трудом являлась любая производственная деятельность человека [Одегов 2007: 74]. Особое значение имело определение труда, данное К. Марксом и Ф. Энгельсом: «Труд есть прежде всего процесс, совершающийся между человеком и природой, процесс, в котором человек своей собственной деятельностью опосредует, регулирует и контролирует обмен веществ между собой и природой» [Маркс 1960: 188]. При таком понимании труда внимание акцентируется на двойственной природе труда как обмене веществ между человеком и природой и как средстве общения между людьми в процессе производства.

Двадцатый век ознаменовался развитием и конкретизацией марксистского понимания труда. Даже определение труда, закрепленное в Экономической энциклопедии, было созвучно с марксистской теорией и рассматривало труд как целесообразную деятельность по созданию материальных и духовных благ, необходимых для удовлетворения потребностей каждого индивидуума и общества в целом [Абалкин 1999: 179]. Согласно позиции Г.Г. Меликьяна и Р.П. Колосовой, трудом является целенаправленная деятельность людей по созданию благ и услуг, которая должна быть эффективна, рациональна и экономично организована [Меликьян 1996: 10]. Профессора П.Э. Шлендер и Ю.П. Кокина указывают, что труд – это деятельность, направленная на производство определенных общественно полезных (или, по крайней мере, потребляемых обществом) продуктов: материальных и духовных [Шлендер 2002: 22]. Разумеется, представленные определения не являются идентичными, однако они наглядно демонстрируют, что со временем труд стал восприниматься в рамках экономической теории не как товар, а именно как деятельность и процесс.

Осмысление категории «труд» с экономической точки зрения позволило начать формирование юридических оценок данной категории, так как в нормативных правовых актах невозможно закрепить экономическую категорию, не наделив ее юридической сущностью и содержанием.

Индустриализация создала категорию «свобода труда», но содержательно созданная категория предоставляла не свободу трудовой деятельности, а право на ведение трудовой деятельности. То есть фактически исследования велись в отношении категории «право на труд». Одно из первых определений права на труд, основанное на экономическом понимании труда, было сформулировано французским юристом XVIII в. Гракхом Бабефом. По его мнению, «общество должно обеспечить всем своим членам работу и определить заработную плату с тем, чтобы этой заработной платы было достаточно для приобретения продовольствия и для удовлетворения всех потребностей каждой семьи» [Далин 2013: 478]. Более точное и сбалансированное определение права на труд

представил австрийский юрист и философ XIX столетия А. Менгер. Он указывал, что «В силу права на труд каждый трудоспособный гражданин, не находящий себе работы у частного предпринимателя, может требовать от государства или от общественных союзов (общин и т.п.) обыкновенной поденной работы с уплатой обычной заработной платы» [Лушников 2009: 199]. Таким образом, А. Менгер подчеркнул, что трудовая деятельность возможна между различными субъектами и не обязана носить исключительно общественный и государственный характер.

Несмотря на то, что дальнейшее признание права на труд в качестве полноценной юридической категории принадлежало французским деятелям, в частности, Луи Блану, благодаря которому в период французской февральской революции 1848 г. положение о праве на труд сначала возвели в ранг программного требования, затем закрепили в Конституции Французской Республики 1848 года, следующая масштабная веха развития права на труд была связана с советским периодом.

Советские конституции закрепляли право на труд, которое было согласовано с экономическим воззрением, господствовавшим в то время в СССР. Так как в советский период развития государства труд зачастую определяли как основу жизни при социализме и основу прав граждан, то данную категорию нельзя было оставить без дополнительного научного обоснования и объяснения целесообразности и эффективности учреждения права на труд, предназначенного для граждан советского государства. Право на труд считалось основой всей системы прав советских граждан, позволяющей предотвратить эксплуатацию человека человеком и обеспечить полное отсутствие безработицы [Пономарева 1982: 141].

Представители постсоветской науки рассматривают труд и право на труд с учетом изменившихся общественных, в частности, экономических реалий. Так, профессор Ю.Е. Волков характеризует труд как деятельность, необходимую для функционирования общества, признаваемую существующей социальной системой общественно полезной или, по крайней мере, социально приемлемой, осуществляемой в рамках установленного социально-нормативного порядка и являющейся для выполняющих ее людей источником получения средств к существованию и (или) способом жизненного обустройства [Волков 2005: 54].

Анализ приведенных определений в их историческом развитии позволяет сделать вывод, что в своем большинстве они не содержат непримиримых противоречий и схоже описывают категорию «труд». Однако нельзя не учесть того, что большинство подходов к пониманию категории «труд» ограничиваются указанием на процесс деятельности и нацеленностью на определенный результат, при этом не учитывая всех важных характеристик труда. Такой подход создает базу для правового регулирования трудовых отношений, но все равно не дает полноценного ответа на вопрос о том, что такое «труд».

Для того, чтобы сформулировать понимание категории «труд», необходимо провести четкую грань между трудовой и нетрудовой деятельностью, то есть использовать метод «от противного». Встает вопрос о том, все ли виды и способы деятельности человека следует относить к трудовой деятельности? Деятельность человека может выражаться и, например, в прогулке по парку, однако отнести ее к трудовой деятельности крайне сложно, даже если такая прогулка имеет косвенное отношение к экономике. Следовательно, категория «деятельность» значительно шире категории «трудовая деятельность», поэтому к «туду» нельзя отнести любую человеческую активность.

Анализ различных точек зрения [Маршалл 2007: 113–116; Генкин 2005: 8–12; Шлендер 2002: 22–27; Меликьян 1996: 22–27] на определение категории «труд» дал возможность выделить ряд признаков человеческой деятельности, наличие которых позволяет отнести ее к трудовой деятельности. Представляется, что в качестве таких можно выделить осознанную целенаправленность действия, энергозатратность и экономически и законодательно допустимый результат.

В качестве первого признака трудовой деятельности необходимо обозначить то, что такая деятельность должна выражаться в осознанном целенаправленном действии [Кибинов 2007: 6; Рофе 2010: 40; Меликьян 1996: 10; Шлендер 2002: 23]. Данный критерий позволяет исключить из трудовой деятельности действия, носящие спонтанный, рефлекторный характер. Так, случайное опрокидывание краски на холст нельзя признать трудовой деятельностью, в то время как последовательное написание картины художником обладает рассматриваемым признаком. Еще одной важной особенностью рассматриваемого признака является то, что предполагаемая цель и реальный результат могут и не совпадать. Человек, занимающийся предпринимательской деятельностью, понимает, рассчитывает на получение дохода, однако доходы от деятельности могут не поступить или быть меньше расходов, что приведет к неблагоприятному исходу. Однако сказать, что в таком случае человек не трудился, невозможно, так как принципиальное значение именно изначальное наличия направленности действия.

В качестве второго признака трудовой деятельности выделяют энергозатратность [Шлендер 2002: 26]. Несомненно, человек затрачивает энергию и не участвуя в труде (двигаясь, перемещаясь), но для осуществления трудовой деятельности (работы) необходимо затратить дополнительное количество энергии. При этом в данный критерий включаются не только затраты от физической, но также и от интеллектуальной [Маршалл 2007: 113–116] работы. Так, определение цели без ее реальной реализации можно отнести, например, к свободе мысли и слова, но не к труду и трудовой деятельности. Разумеется, юридической науке и практике известны пассивные варианты реализации определенных полномочий (например, если Совет Федерации не приступил к рассмотрению законопроекта в течение 14 дней, то законопроект считается одобренным), однако это частные формы, согласованные с конкретными правовыми положениями, которые являются исключениями, а не правилами и, следовательно, не способны трансформировать общее понимание категории «труд».

В качестве третьего признака трудовой деятельности целесообразно назвать экономически и законодательно допустимый результат [Рофе 2010: 36]. В рамках экономической допустимости предполагается как достижение, так и не достижения поставленного результата. Даже законодательное определение предпринимательской деятельности (ст. 2 Гражданского кодекса Российской Федерации) делает акцент на ее рискованном характере, тем самым признавая экономически возможным как достижение прибыли, так и ее отсутствие. Вместе с этим можно привести другой пример, когда человек, работающий по трудовому договору, не получил положенную за его работу заработную плату. Такая ситуация не является нормой для трудовых отношений, но является потенциально экономически возможной. Признание существования подобного варианта развития событий не позволяет по формальному критерию отсутствия полученной заработной платы признать такую деятельность не трудовой.

Особое значение при характеристике деятельности человека имеет критерий законности той или иной деятельности человека. Так, один и тот же осознаваемый энергозатратный процесс по критерию «законности» может получить совершенно различную оценку. Например, если выпуск кредитных карт специально уполномоченными на то субъектами будет признан законной деятельностью, то производство по той же технологии фальшивых кредитных карт будет считаться преступным деянием. Иными словами, указанный признак можно охарактеризовать как легитимность [Шлендер 2002: 23]. Запрещенная, преступная деятельность трудом считаться не будет, так как направлена на незаконное присвоение результатов труда [Одегов 2007: 78]. Важно отметить, что ранее под результатом трудовой деятельности понимали производство материальных благ. Следовательно, люди, занятые в непродовственных секторах экономики и производящие не товары, а услуги, не считались создателями ценностей, хотя их труд и

считали общественно полезным. Современная экономика не ограничивает результат трудовой деятельности исключительно производством товаров, поэтому в контексте законности результата необходимо говорить и о деятельности людей по оказанию услуг [Одегов 2007: 75].

Вышеизложенные признаки не являются единственными, предлагаемыми в экономической и юридической доктрине, однако признание их базовыми признаками затруднено в силу их дискуссионности. Так, М.А. Драчук [Драчук 2012: 391] определяет труд как любую деятельность, вызывающую социальный интерес, а В.М. Лебедев [Лебедев 2011: 16] характеризует труд как полезную деятельность. Понятия «интерес» и «полезность», во-первых, подразумевают наличие итогового положительного результата, исключая тем самым нейтральные для общества последствия трудовой деятельности, что не соответствует действительности. Во-вторых, не всякая трудовая деятельность создает то, что одинаково интересно и полезно для всего общества или хотя бы большей его части. Высокая степень заинтересованности общества и итоговая полезность трудового процесса являются социально ожидаемыми, но не обязательными.

Н.Г. Александров [Александров 1948: 5-6] и А.Д. Зайкин [Зайкин 1997: 10] рассматривают труд как процесс, совершающийся между человеком и природой. В условиях технического прогресса, стремления работодателей к модернизации, цифровизации и обилия профессий исключительно интеллектуального труда данные признаки не способны охватить все виды и формы трудовой деятельности и, следовательно, не могут выступать базовыми характеристиками труда.

О.Б. Зайцева [Зайцева 2010: 12] акцентирует внимание в определении труда на его направленности на конкретную цель, однако не всякая трудовая деятельность подразумевает наличие конкретного представления итогового результата данного процесса. Разумеется, как указывалось выше, человек должен осуществлять определенные действия целенаправленно, однако в таком случае не подразумевается преследование четкой и конкретной цели. Например, проводя научный эксперимент, ученые не всегда способны заблаговременно назвать конкретный результат. Более того, продукт их деятельности может абсолютно не соответствовать их же ожиданиям. Подобная ситуация не означает признания за такой деятельностью характера нетрудовой.

Следовательно, анализ рассмотренных признаков позволяет определить труд как осознаваемую человеком целенаправленную энергозатратную деятельность, приводящую к появлению экономически и законодательно допустимого результата.

Указанный подход к толкованию понятия «труд» позволяет провести более качественное правовое регулирование данной категории. Согласно ст. 7 Конституции РФ, Российская Федерация берет на себя обязательства по охране труда. Следовательно, если определенная деятельность не соответствует указанным выше критериям, то говорить о вовлеченности государства в ее гарантирование и обеспечение невозможно. Например, если предпринимательская или трудовая деятельность индивидов осуществляется в рамках закона, то указанные отношения в первую очередь будут регулироваться гражданским и трудовым законодательством соответственно. В указанных случаях субъекты имеют право на реализацию конституционных положений, связанных с охраной, уважением и гарантированностью труда. Если же указанная деятельность осуществляется вне рамок законно установленных требований, то соответствующие отношения уже приобретают налоговый, административный и (или) уголовный характер.

Анализ экономических и правовых взглядов на труд позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на статус общеизвестной категории, которая, казалось бы, не нуждается в объяснении, только наличие четких критериев признания деятельности трудовой позволяет провести качественное правовое регулирование, в частности, позволяет не только отделить виды деятельности, не подпадающей под правовое регулирование, но и правильно выбрать отрасль права, регулирующую общественные отношения, сложившиеся в каждом конкретном случае.

Литература

- Александров Н.Г. *Трудовое правоотношение*. М., 1948.
- Аристотель. *О возникновении животных* / пер. В.П. Карпов. Москва – Ленинград. 1940.
- Бердяев Н.А. *О назначении человека*. М., 1993.
- Волков Ю.Е. *Труд в глобальном мире / Труд и социальные отношения*. – 2005. – № 4. – С. 54.
- Гегель Г.В.Ф. *Сочинения*. В 13 т. Т.3. М., 1930.
- Генкин Б.М. *Экономика и социология труда*. М., 2005.
- Далин В.М. *Графх Бабёф накануне и во время Великой французской революции*. М., 2013.
- Деева Е.А. *Специфика принудительного труда в России / Актуальные проблемы экономики, социологии и права*. – 2016. – № 1. – С. 26.
- Драчук М.А. *Понятие и виды труда в организации юридического механизма управления трудом / Вестник Омского университета*. – 2012. – № 3. – С. 391.
- Зайцева О.Б., Березина О.П., Черепанцева Ю.С. *Учебный курс трудового права для студентов юридических вузов*. Оренбург, 2010.
- Конституция СССР. *Политико-правовой комментарий* / под общ. ред. Б.Н. Пономаревой. М., 1982.
- Лушников А.М., Лушникова М.В. *Курс трудового права*. В 2 т. Т. 1. М., 2009.
- Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. В 50 т. Т.23. М., 1960.
- Маршалл А. *Основы экономической науки*. М., 2007.
- Одегов Ю.Г., Руденко Г.Г., Бабынина Л.С. *Экономика труда*. В 2 т. Т. 1. М., 2007.
- Остапенко Ю.М. *Экономика труда*. М., 2007.
- Райзберг Б.А. *Прикладная экономика*. М., 2010.
- Российское трудовое право* / отв. ред. А.Д. Зайкин. М., 1997.
- Рофе А.И. *Экономика труда*. М., 2010.
- Трудовое право* / под ред. В.М. Лебедева. М., 2011.
- Экономика и социология труда* / под ред. А.Я. Кибинова. М., 2007.
- Экономика труда* / под ред. П.Э. Шлендера, Ю.П. Кокина. М., 2002.
- Экономика труда и социально-трудовые отношения* / под ред. Г.Г. Меликьяна, Р.П. Колосовой. М., 1996.
- Экономическая энциклопедия* / под ред. Л.И. Абалкина. М., 1999.]

References

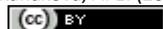
- Alexandrov, N.G. (1948). *Labor relations*. Moscow (in Russian).
- Aristotle. *About the origin of animals* (1940). Translation by V.P. Karpov. Moscow - Leningrad. (in Russian).
- Berdyayev, N.A. (1993). *About the appointment of a person*. Moscow (in Russian).
- Volkov, Yu.E. (2005). *Labor in the global world*. *Labor and social relations*, 4, 54. (in Russian).
- Hegel, G.V.F. (1930). *Compositions*. In 13 volumes. V. 3. Moscow (in Russian).
- Genkin, B.M. (2005). *Economics and Sociology of Labor*. Moscow (in Russian).
- Dalin, V.M. (2013). *Gracchus Babeuf on the eve and during the French Revolution*. Moscow (in Russian).
- Deeva, E.A. (2016). *Specificity of forced labor in Russia*. *Actual problems of economics, sociology and law*, 1, 26. (in Russian).
- Drachuk, M.A. (2012). *The concept and types of labor in the organization of the legal mechanism of labor management*. *Bulletin of Omsk University*, 3, 391. (in Russian).
- Zaitseva, O.B., Berebina, O.P., Cherepantseva, Yu. S. (2010). *Training course of labor law for students of law schools*. Orenburg. (in Russian).
- The Constitution of the USSR. Political and legal commentary* (1982). B.N. Ponomareva (ed.). Moscow. (in Russian).
- Lushnikov, A.M., Lushnikova, M.V. (2009). *Labor law course*. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow. (in Russian).
- Marx, K., Engels, F. (1960). *Works*. In 50 v. V. 23. Moscow. (in Russian).
- Marshall, A. (2007) *Fundamentals of economic science*. Moscow. (in Russian).
- Odegov, Yu.G., Rudenko, G.G., Babynina, L.S. (2007). *Labor economics*. In 2 volumes. Vol. 1. Moscow. (in Russian).
- Ostapenko, Yu.M. (2007). *Labor economics*. Moscow. (in Russian).
- Raizberg, B.A. (2010). *Applied Economics*. Moscow. (in Russian).
- Russian labor law*. (1997). A.D. Zaikin (ed.). Moscow. (in Russian).
- Rofe, A.I. (2010). *Labor economics*. Moscow. (in Russian).
- Labor law*. (2011). V.M. Lebedev (ed.). Moscow. (in Russian).
- Economics and sociology of labor* (2007). A. Ya. Kibinov (ed.). Moscow. (in Russian).
- Labor Economics*. (2002). P.E. Shlender, Yu.P. Kokin (ed.). Moscow. (in Russian).
- Labor economics and social and labor relations*. (1996). G.G. Melikyan, R.P. Kolosova (ed.). Moscow. (in Russian).
- Economic encyclopedia*. (1999). L.I. Abalkin (ed.). Moscow. (in Russian).

Citation:

Канакова А.Е. Проблемы содержания конституционной категории «труд». // Юрислингвистика. – 2021. – 19. – 20-24.

Kanakova, A. E. (2021). Problematics of the Content of "Labor" Constitution Category. *Legal Linguistics*, 19, 20-24.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

---

Понятие прокурорского надзора за органами и должностными лицами, осуществляющими расследование по уголовному делу

К.А. Синкин

*Алтайский государственный университет
пр. Ленина, 61, 656049, Барнаул, Россия. E-mail: ska76@mail.ru*

Настоящая статья посвящена понятию прокурорского надзора за органами и должностными лицами, осуществляющими расследование по уголовному делу. Действующее законодательство не содержит рассматриваемого понятия. Однако его наличие могло бы послужить следующим практическим целям: констатации того факта, что прокурор осуществляет надзор лишь за органами расследования и не осуществляет прокурорский надзор за деятельностью суда; прояснению сущности данного вида прокурорской деятельности.

Ключевые слова: прокурорский надзор, расследование по уголовному делу, досудебное производство.

The Concept of Procuracy Supervision over Justice Institutions and Legislative Officers Investigating a Criminal Case

K.A. Sinkin

*Altai State University
61 Lenin St., Barnaul, Russia, 656049. E-mail: ska76@mail.ru*

This article discusses the concept of procuracy supervision on justice institutions and legislative officers Investigating a criminal case. The current legislation does not contain the concept under consideration. However, its presence could serve the following practical purposes: stating the fact that the prosecutor oversees only the investigative bodies and does not exercise prosecutorial supervision over the the court; clarification of the essence of this type of prosecutorial activity.

Key words: procuracy supervision, criminal investigation, pre-trial proceedings.

Согласно ст. 37 УПК РФ прокурор является должностным лицом, уполномоченным в пределах компетенции, предусмотренной УПК РФ, осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и органов предварительного следствия.

Из приведенной дефиниции видно, что прокурор в уголовном судопроизводстве осуществляет две основные функции – уголовное преследование и прокурорский надзор. В рамках нашего исследования нас интересует вторая функция, реализуемая в отношении органов, осуществляющих дознание по уголовному делу.

До настоящего времени ни на законодательном, ни на доктринальном уровне не выработано единое определение «прокурорский надзор», что создает некоторую неопределенность не только в теории уголовного судопроизводства, но и в правоприменительной деятельности. Вместе с тем в литературе можно встретить его различные определения.

Сам термин «надзор» означает присмотр, а «надзирать» – насматривать, наблюдать, наглядывать [Даль 1979]. Также термин «надзирать» может означать наблюдать с целью присмотра, проверки [Ожегов, Шведова 1997].

Федеральный закон «О прокуратуре Российской Федерации» не содержит понятия «прокурорский надзор».

По мнению О.В. Воронина существует несколько подходов к пониманию рассматриваемого термина. Так, при первом подходе под этим термином может обозначаться одна из основных функций прокуратуры. При втором прокурорский надзор может рассматриваться как самостоятельная отрасль права. Следующий подход рассматривает прокурорский надзор как отрасль юридической науки и заключительный как учебную дисциплину [Воронин 2007]. В схожих трактовках термин прокурорский надзор рассматривается В.А. Слепцовым [Слепцов 2015].

По мнению В.Ф. Крюкова под прокурорским надзором понимается государственно-властное наблюдение за единообразным исполнением правовых предписаний с принятием мер к восстановлению нарушенных прав [Крюков 2007].

По мнению М.П. Полякова и А.В. Федулова прокурорский надзор есть не что иное, как специфический вид государственной деятельности, который осуществляется от имени Российской Федерации органами прокуратуры [Поляков, Федулов 2009].

Несколько иную дефиницию, подходящую для целей нашего исследования, приводит В.Г. Бессарабов, полагающий, что под прокурорским надзором понимается законодательно закрепленный вид специфической основной реализуемой в установленных пределах от имени государства деятельности прокуроров. При этом такая деятельность осуществляется для обеспечения верховенства закона, единства и укрепления законности, а также защиты прав и свобод человека и гражданина, интересов общества и государства посредством выявления, устранения и предупреждения нарушений законов [Бессарабов 2008].

В специальной литературе приводится позиция, в соответствии с которой прокурорский надзор является разновидностью государственного контроля. Данной точки зрения в частности придерживается В.Н. Исаенко, полагающий, что данный вид деятельности представляет собой особую форму государственного контроля. Если говорить о прокурорском надзоре за исполнением законов при расследовании преступлений, то в качестве такового следует рассматривать осуществляемый в соответствии с Конституцией Российской Федерации, Федеральным законом «О прокуратуре Российской Федерации», Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, а также другими федеральными законами контроль от имени Российской Федерации за деятельностью органов расследования, возложенный на прокуратуру России. Объектами такого контроля являются процессуальные решения и действия органов расследования на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования [Исаенко 2013].

М.С. Строгович отмечал, что прокурор в уголовном судопроизводстве является блюстителем законности, т.е. тем, кем он является во всех сферах своей деятельности. Однако в отличие от общего надзора, в уголовном процессе прокурор выполняет свою функцию в особых формах и специальными методами [Строгович 1968]. Продолжая мысль предыдущего правоведа, В.М. Савицкий отмечал, что в уголовном судопроизводстве, в силу специфики самой этой деятельности, прокурорский надзор приобретает специфический характер, т.к. реализуется в определенных процессуальных формах и преследует цель обеспечения соблюдения уголовно-процессуального порядка расследования уголовных дел [Савицкий 1959].

Согласно позиции, высказанной В.Б. Ястребовым, надзор для прокуратуры является профилирующей, ведущей функцией, в которой проявляется специфика ее деятельности [Ястребов 2013]. С данной позицией сложно не согласиться, тем более, когда речь идет о прокурорском надзоре за органами, осуществляющими расследование по уголовному делу. Так, например, Л.А. Воскобитова отмечает, что на досудебных стадиях уголовного процесса основой полномочий прокурора является надзорная составляющая [Воскобитова 2013]. Эту позицию подтверждает и анализ положений УПК РФ, согласно которым в рамках интересующего нас контекста полномочия прокурора по надзору за возбуждением и расследованием уголовных дел органами, осуществляющими дознание по уголовному делу, отражены в следующих положениях: ст.ст. 7, 10, 11, 16, 17, ч. 4 ст. 20, 25, ч.ч. 1 и 2 ст. 28, ч. 3 ст. 28.1, ч. 1 ст. 37, п.п. 1, 3, 5, 6, 9, 10, 13, 15, 16 ч. 2 ст. 37, ч. 2.1 ст. 37, ч. 1 ст. 67, ч. 4.1 ст. 82, 87, 88, ч. 2 ст. 91, ч. 4 ст. 96, ч.ч. 2, 3 ст. 107, ч. 3 ст. 108, ч. 2 ст. 109, ч. 3 ст. 110, ч. 1 ст. 114, ч. 1 ст. 115, 123, 124, 125, 125.1, ч. 3 ст. 144, ч. 4 ст. 146, ч. 4 ст. 147, ч. 6 ст. 148, ч. 1 ст. 165, ч. 1 ст. 214, ч.ч. 3 ст. 109, ч. 3 ст. 110, ч. 1 ст. 114, ч. 1 ст. 115, 123, 124, ч. 3 ст. 144, ч. 4 ст. 146, ч. 4 ст. 147, ч. 6 ст. 148, ч. 1 ст. 165, ч. 1 ст. 214, ч.ч. 3-5 ст. 223, ч.ч. 1 и 4 ст. 224, ч.ч. 1, 2 ст. 226, ч. 2 ст. 226.6, ч.ч. 1, 2 ст. 226.8, ч. 3 ст. 318, ч. 1 ст. 427, ч. 1 ст. 435 и ряд других статей УПК РФ.

По мнению И.Л. Друкарова, прокурор в рассматриваемом аспекте предупреждает, выявляет и устраняет нарушения Конституции России и других законов, охраняющих права и интересы потерпевших, подозреваемых, обвиняемых, а также иных участников уголовного судопроизводства на досудебных стадиях. Под надзор прокурора подпадают и другие процессуальные нарушения со стороны органов, осуществляющих расследование. Именно в этом заключается сущность надзора прокурора за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования [Друкаров 2010].

Несколько иную точку зрения высказывает Б.Я. Гаврилов, который относит прокурорский надзор к процессуальному контролю в досудебном производстве. При этом, как отмечает автор, особенностью прокурорского надзора в уголовном процессе является то, что он, с одной стороны, является имманентной частью уголовного судопроизводства, а с другой – находится как бы над процессуальной деятельностью органов, осуществляющих дознание [Гаврилов 2012].

Обоснованной, на наш взгляд, является позиция О.В. Химичевой, согласно которой на досудебных стадиях преобладающей функцией прокурора выступает надзор за процессуальной деятельностью органов предварительного расследования, в то время как уголовное преследование для прокурора носит факультативный характер [Химичева 2004].

В соответствии с концепцией, предложенной Е.А. Буглаевой и Л.В. Винницким, такая функция уголовного судопроизводства как уголовное преследование не относится к самостоятельной функции прокуратуры в рамках предварительного расследования. В то же время, данная функция реализуется, по их мнению, при рассмотрении уголовных дел. Одновременно уголовное преследование составляет существо досудебного производства, осуществляемого органами предварительного расследования, где прокурор всего лишь связан с осуществлением уголовного преследования, выступая при этом надзирающим органом. Таким образом, уголовное преследование способствует реализации прокурорского надзора, выступая его задачей [Буглаева, Винницкий 2013].

Несколько иного мнения придерживаются Л.Н. Башкатов и Г.Н. Ветрова, которые полагают, что прокурорский надзор и уголовное преследование не являются самостоятельными и равнозначными функциями прокурора в уголовном судопроизводстве. При этом уголовное преследование осуществляется прокурором через надзорные средства, предоставленные ему УПК РФ [Башкатов, Ветрова 2011].

А.Г. Халиулин отстаивает точку зрения, согласно которой на досудебных стадиях уголовного судопроизводства основная функция прокурора как участника уголовного судопроизводства – надзор за исполнением законов органами предварительного расследования, а также за законностью оперативно-розыскной деятельности [Халиулин 2000]. Полагаем, что данная позиция вполне соответствует правовым предписаниям деятельности прокурора, определенной УПК РФ.

Развивая аналогичную позицию применительно к досудебному производству, В.Г. Бессарабов указывает на то, что прокурорский надзор за исполнением законов органами предварительного расследования представляет собой деятельность соответствующих прокуроров в досудебном производстве в соответствии с предоставленными полномочиями по поддержанию законности в ходе расследования преступлений [Бессарабов 2008].

Таким образом, прокурорский надзор за органами и должностными лицами, осуществляющими расследование по уголовному делу, представляет собой уголовно-процессуальную деятельность прокурора в досудебном производстве, заключающуюся в обеспечении исполнения законов следователем, руководителем следственного органа, органом дознания, начальником подразделения дознания, начальником органа дознания и дознавателем, осуществляемую в целях защиты публичного интереса по обеспечению законности и направленную на достижение назначения уголовного судопроизводства.

Литература

- Бессарабов В.Г. Прокурорский надзор. М., 2008.
- Буглаева Е.А., Виноцкий Л.В. Участие прокурора в ходе предварительного следствия. М., 2013.
- Воронин О.В. Прокурорский надзор в Российской Федерации: вопросы Общей части. Томск, 2007.
- Гаврилов Б.Я. Актуальные проблемы защиты конституционных прав и свобод личности в досудебном производстве. М., 2012.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 2. М., 1979.
- Друкаров И.Л. Прокурорский надзор в Российской Федерации. Барнаул, 2010.
- Исаенко В.Н. Оценка прокурором всесторонности, полноты и объективности результатов предварительного расследования / Пробелы в российском законодательстве. – 2013. – № 1. – С. 172-177.
- Крюков В.Ф. Полномочия прокурора в досудебном производстве по уголовным делам: современность и перспективы / Журнал российского права. – 2007. – № 10. – С. 61-70.
- Лупинская П.А., Воскобитова Л.А. Уголовно-процессуальное право Российской Федерации. М., 2013.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
- Петрухин И.Л., Михайловская И.Б. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. М., 2011.
- Поляков М.П., Федулов А.В. Прокурорский надзор. М., 2009.
- Савицкий В.М. Прокурорский надзор за соблюдением законности в деятельности органов дознания и предварительного следствия. М., 1959.
- Слепцов В.А. Прокурорский надзор. Новосибирск, 2015.
- Соловьев А.Б., Токарева М.Е., Халиулин А.Г. Прокурорский надзор за исполнением законов при расследовании преступлений. М., 2000.
- Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Том 1. Основные положения науки советского уголовного процесса. М., 1968.
- Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 (ред. от 30.12.2020) «О прокуратуре Российской Федерации». [URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/].
- Химичева О.В. Концептуальные основы процессуального контроля и надзора на досудебных стадиях уголовного судопроизводства. М., 2004.
- Ястребов В.Б. Прокурорский надзор. М., 2013.

References

- Bessarabov, V.G. (2008) *Prosecutor supervision*. Moscow (in Russian).
- Buglaeva, E.A., Vinitskiy L.V. (2013) *Participation of the prosecutor during the preliminary investigation*. Moscow (in Russian).
- Completeness and Objectivity of the Results of the Preliminary Investigation. *Gaps in Russian Legislation*, 1, 172-177 (in Russian).
- Dal', V.I. (1979) *Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Volume 2*. Moscow (in Russian).
- Drukarov, I.L. (2010) *Prosecutor's supervision in the Russian Federation*. Barnaul (in Russian).
- Federal Law of 17.01.1992, N 2202-1 (as amended on 30.12.2020) "On the Prosecutor's Office of the Russian Federation". Available from: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_262/ (in Russian).
- Gavrilov, B.Ya. (2012) *Actual problems of protection of constitutional rights and individual freedoms in pre-trial proceedings*. Moscow (in Russian).
- Isaenko, V.N. (2013) *The Prosecutor's Assessment of the Comprehensiveness, Completeness and Objectivity of the Results of the Preliminary Investigation*. *Gaps in Russian Legislation*, 1, 172-177 (in Russian).
- Khimicheva, O. V. (2004) *Conceptual foundations of procedural control and supervision at the pre-trial stages of criminal proceedings*. Moscow (in Russian).
- Kryukov, V.F. (2007) *The powers of the prosecutor in pre-trial criminal proceedings: modernity and prospects*. *Journal of Russian law*, 10, 61-70 (in Russian).
- Lupinskaya, P.A., Voskobitova L.A. (2013) *Criminal procedure law of the Russian Federation*. Moscow (in Russian).
- Ozhegov, S.I., Shvedova N.Yu. (1997) *Explanatory dictionary of the Russian language*. Moscow (in Russian)
- Petrukhin, I.L., Mikhailovskaya I.B. (2011) *Commentary on the Criminal Procedure Code of the Russian Federation*. Moscow (in Russian).
- Polyakov, M.P., Fedulov A.V. (2009) *Prosecutor supervision*. Moscow (in Russian).
- Savitskiy, V.M. (1959) *Prosecutor's supervision over the observance of legality in the activities of the bodies of inquiry and preliminary investigation*. Moscow (in Russian).
- Sleptsov, V.A. (2015) *Prosecutor supervision*. Novosibirsk (in Russian).
- Soloviev, A.B., Tokareva M.E., Khaliulin A.G. (2000) *Prosecutor's supervision over the implementation of laws in the investigation of crimes*. Moscow (in Russian).
- Strogovich, M.S. (1968) *The course of the Soviet criminal procedure. Volume 1. Basic provisions of the science of the Soviet criminal process*. Moscow (in Russian).
- Voronin, O.V. (2007) *Prosecutor's supervision in the Russian Federation: issues of the General part*. Tomsk (in Russian).
- Yastrebov, V.B. (2013) *Prosecutor supervision*. Moscow (in Russian).

Citation:

Синкин К.А. Понятие прокурорского надзора за органами и должностными лицами, осуществляющими расследование по уголовному делу. // Юрислингвистика. – 2021. – 19. – 25-27.

Sinkin, K.A. (2021). The Concept of Procuracy Supervision over Justice Institutions and Legislative Officers Investigating a Criminal Case. *Legal Linguistics*, 19, 25-27.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Лексикографические источники как инструмент эксперта-лингвиста

С. В. Доронина

*Алтайская лаборатория судебной экспертизы
ул. Ленина 151 Г, 656036, Барнаул, Россия. E-mail: doroninasv73@mail.ru*

Метод лексикографического анализа активно применяется в судебной лингвистической экспертизе спорных высказываний и текстов. Специалистами в области права словарное толкование слов и выражений также признается одним из основных аргументов в процессе доказывания. В то же время при обращении к различным лексикографическим источникам возможны трудности, обусловленные расхождениями в толковании значений слов, а также в зоне помет. В работе систематизируются проблемы, возникающие в ходе лексикографического анализа лексем, встречающихся в составе спорных текстов. В частности, анализируются проблемы исследования слов литературного языка и нелитературных страт, характеризуются особенности исследования экспрессивно-стилистической окраски слов, указывается на необходимость создания специализированного словаря энциклопедического типа для исследования «экстремистских» материалов.

Ключевые слова: лингвистическая экспертиза, толковый словарь, лексическое значение, стилистическая окраска слова.

Lexicographic Sources as a Tool for a Forensic Examiner

S. V. Doronina

*Altai State Forensic Laboratory
151 G Lenin Street, Barnaul, Russia, 656036. E-mail: doroninasv73@mail.ru*

The method of lexicographic analysis is actively used in forensic linguistic examination of controversial statements and texts. Law experts interpret words and expressions as the most important argument in the process of procuring evidence. At the same time, when referring to various lexicographic sources, there are discrepancies known in the interpretation of the word meanings, as well as dictionary labels. The work classifies the problems arising in the course of lexicographic analysis of lexemes that occur in disputable texts. To name a few, the problems of the study of words of literary language and non-literary stratum are analyzed, the features of the study of expressive-stylistic coloring of words are described, the necessity to create a specialized dictionary of encyclopedic character to study "extremist" materials is stated.

Key words: linguistic examination, explanatory dictionary, lexical meaning, stylistic coloring of the word.

1. Вводные замечания. Как вид деятельности лингвистическая судебная экспертиза существует на пересечении двух сфер: научной и процессуально-правовой – которые время от времени вступают в отношения противоречия. С одной стороны, эксперт должен провести исследование и дать заключение, используя свои познания в определенной научной области. Это требует привлечения широкого арсенала научных методов в целях выбора наиболее пригодного для данной научно-практической задачи. Однако процессуальный статус эксперта не только наделяет его определенными полномочиями, но и налагает ограничения на выбор приемов научного исследования. В связи с этим одной из целей института государственной судебной экспертизы является отбор общенаучных методов и разработка на их базе экспертных методик по различным категориям дел.

Все сказанное в первую очередь относится к методу лексикографического анализа, применяемому для экспертизы спорных высказываний и текстов. Главной задачей лингвистической экспертизы является смысловой анализ, интерпретация высказывания в свете юридически значимых понятий. Роль словарей в такой работе трудно переоценить. К тому же лексикографический метод пользуется особым доверием со стороны лиц, подвергающих лингвистическое исследование правовой оценке. Специалистами в области права словарное толкование слов и выражений порой признается самым главным аргументом в процессе доказывания. В то же время очевидно, что лингвистические словари создавались не для экспертных целей, вследствие чего при обращении к лексикографическим источникам наблюдаются известные расхождения в толковании значений слов, а также в зоне помет. Наибольшие расхождения фиксируются среди стилистических помет в словах с негативно-оценочным значением.

2. Проблемы исследования слов литературного языка. Расхождения в лексикографическом описании значений слов являются естественным следствием субъективности толкования, а также известной диффузности лексического значения, о которой писал еще Д.Н. Шмелев. Семантическая диффузность – это недоопределенность языковых знаков различного уровня, размытый характер границ между значениями и их категориями в семантической системе языка, и в языковой коммуникации [Шмелев 1984: 129].

Данное свойство порождает трудности в восприятии экспертного заключения специалистами в области права. В сознании юриста словарь – нормативный документ, содержание которого не допускает никаких дополнительных интерпретаций и является достаточным для установления смысла сказанного. Однако в экспертной практике встречаются случаи, когда обстоятельства дела требуют проведения дополнительных семантических исследований и установления факультативных семантических множителей, не отраженных в словарной статье.

Иллюстрацией сказанному может послужить случай экспертного исследования глагола «похитить». Обстоятельства дела требовали установления следующих компонентов значения данного слова:

1) может ли быть названо похищением только насильственное удержание лица в каком-либо месте при условии его добровольного и самостоятельного прибытия в это место;

2) может ли быть названо похищением удержание похищенного, не являющееся тайной для близких (жене похищенного было известно его местонахождение). Для ответа на этот вопрос потребовался сравнительный лексикографический, а также контекстный анализ.

Динамика описания значения слова в современных словарях показывает, что в последнее десятилетие в связи с появлением новой экстралингвистической реалии (похищение людей) у глагола «похитить» развивается производное значение. Данное значение зафиксировано в словаре неологизмов (новых слов и значений) [Скляревская 2007], а также в одном из новейших толковых словарей.

Похитить – тайно унести или увезти, украсть, выкрасть. Похитить картину [Кузнецов 1998; Ожегов, Шведова 1997; Евгеньева 1999; Ушаков 2014].

Похитить – насильно захватить (человека, ребенка) и увести куда-либо с целью получить выкуп, продать или заставить подневольно работать [Скляревская 2007].

Похищение – 1. кража.

2. Преступление против свободы личности – тайный, или открытый, или с помощью обмана захват людей с целью устрашения, шантажа, вымогательства, выкупа и т.п. Похищение человека. Синоним: киднеппинг [Варавина 2006].

Таким образом, на сегодняшний день глагол «похитить» является многозначным, его словарная статья включает два значения: 1) украсть, тайно присвоить; 2) насильно захватить и увести куда-либо с целью получить выкуп и т.п.

Первичное (непроизводное) значение глагола «похитить» определяется формулой «кто – похитил – что – у кого», и требует обязательного наличия трех участников ситуации (актантов): владлец ценности – объект, обладающий ценностью, – похититель. Объектом похищения выступает неодушевленный предмет (см. примеры словарных статей: ценные бумаги, картина, документы) или объект, лишенный способности к волеизъявлению (см. пример «конь»). Действие направлено против владельца вещи и характеризуется следующим образом: «лишить кого-либо ценной собственности». В этом случае семантический множитель (сема) «тайно» является обязательным компонентом лексического значения. Наличием данного компонента глагол «похитить» отличается от ближайших синонимов, в частности, от глагола «отнять» [Апресян 2004]. Поэтому такие контексты, как «похитить картину» – «отнять картину» не являются взаимозаменяемыми.

Производное значение глагола «похитить» определяется формулой «кто – похитил – кого – для чего» и требует обязательного наличия двух участников. Объектом действия выступает лицо, действие направлено против похищаемого, отношения между участниками ситуации характеризуются следующим образом: «увести кого-либо, лишив свободы, с целью извлечения личной выгоды».

В отличие от предыдущего значения, третий участник ситуации (собственник похищаемой ценности) в структуре значения отсутствует, а значит, и сема «действовать тайно/ открыто», определяемая по отношению к третьему лицу, не является значимой для слова. Все сказанное подтверждают многочисленные контексты, обнаруживаемые с помощью «Национального корпуса русского языка» [Национальный корпус русского языка URL]:

Тут нас чуть не перевернуло новым порывом ветра. — Да он нас похитил! — простонал Лёня. [Марина Москвина. Небесные тихоходы: путешествие в Индию (2003)]

История не донесла до нас, что сказала царица, когда, наконец, обнаружила, что влюбленный Тесей обманом похитил ее. [Ирина Ходькова. Амазонки — женщины воины // «Пятое измерение», 2003]

Названия у фильма пока нет, но известно, что он будет посвящён одной из самых трагических страниц в истории олимпийского движения — трагедии на играх в Мюнхене в 1972 году, когда палестинские террористы похитили и убили 11 израильских спортсменов. [Rendez-vous (2004) // «Экран и сцена», 2004.05.06]

Дополнительным доказательством того, что у слова «похитить» во втором значении отсутствует обязательный компонент «увести тайно», являются контексты естественного русского языка, в которых описывается открытый способ осуществления данного действия:

Они не могут прийти в себя после истории с Сергеем Кукурой, которого похитили среди бела дня в элитном поселке под Москвой. [Андрей Сталесский. На страже беспорядка. Защищает ли нас наше государство (2002) // «Известия», 2002.10.29]

Она сказала, что брата ее, по всей вероятности, убили, как и людей Шрама, и что ее прямо у подъезда похитили два человека. [Андрей Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть (2000)]

Тогда его просто похитили, запихнули в машину возле собственного дома, когда он вечером возвращался после работы. [Андрей Житков. Супермаркет (2000)]

У вас на глазах похитили дочь, и вы так спокойно, даже радостно рассказываете об этом! [А. Р. Беляев. Человек-амфибия (1928)]

...В полночь, царские любимцы, Вяземский, Малюта Скуратов и Василий Грязной, совместно с опричной ворвались в дома знатных людей, у которых были красивые жены, похитили их жен и увезли их из города. [П. И. Ковалевский. Иоанн Грозный (1900-1910)]

Хорошо, что он недавно разрядился по дороге, а то бы не удержался и похитил юную деву прямо посреди шумного бала! [Михаил Чулаки. Примус // «Звезда», 2002]

Таким образом, в смысловой структуре слова «похитить», рассматриваемого во втором значении, смысл «увести втайне от третьих лиц» отсутствует.

Приведенный пример анализа спорного выражения показывает, что лексикографическое отражение слова в словаре требует дополнительного толкования применительно к контексту употребления слова и, следовательно, не может выступать как самостоятельное.

Таким образом, для точной интерпретации конфликтогенного текста лексикографический анализ должен быть дополнен

контекстным. Даже в том случае, когда речь идет об употреблении нейтрального слова литературного языка.

3. Проблемы исследования нелитературной лексики. В экспертной практике достаточно частыми являются случаи отсутствия искомого слова в словарях или его употребление в некодифицированном значении. Например, слово «рубль» в значении «одна тысяча рублей» не обнаруживается ни в одном из известных автору современных словарей. Слово «чурбан» активно функционирует как синоним оценочной лексики «чурка», служащей для выражения негативного отношения к выходцам с Кавказа или из Средней Азии. Появлению жаргонного значения способствуют не только деривационные связи слов чурка и чурбан, близость их прямого производного лексического значения, но и возможная ассоциативная связь слова чурбан с продуктивным словообразовательным типом, служащим моделью образования жаргонизмов (брат – братан, Вова – Вован, Коля – Колян, друг – друган и пр.) Тем не менее, в словарях субстандартной лексики слово чурбан толкуется лишь в значении «оценка интеллекта» и зарегистрировано как этнофоллизм только в словаре под редакцией Д.И. Квеселевича [Квеселевич 2005]. Подобные расхождения в словарных дефинициях позволяют подвергнуть сомнению заключение эксперта, дают возможность иной интерпретации высказывания и события преступления. В рамках данного дела стороной защиты была произведена попытка искажения интерпретации высказывания в пользу лица, совершившего речевое преступление. При этом первоначально зафиксированная в протоколе допроса потерпевшего фраза «*Ты поедешь, куда я скажу! Ты чурбан! Вас всех надо резать, убивать!*» в последующих протоколах трансформировалась в следующее выражение: «*Ты что, чурбан? Ты не понимаешь меня?*». Безусловно, данный пример еще раз иллюстрирует абсолютную недостаточность исключительно лексикографического анализа компонентов высказывания и необходимость применения контекстного анализа во всех случаях интерпретации речевого конфликта.

Во всех перечисленных случаях судебный эксперт оказывается в затруднительном положении, поскольку его деятельность строго регламентируется появляющимися экспертными методиками. В частности, методики позволяют устанавливать значение неологизма с помощью «Национального корпуса русского языка». Однако субстандартная и просторечная лексика в Корпусе не отражена. А иные источники речевого материала (ресурсы сети Интернет, лингвистические эксперименты) не разрешены к использованию. Так, весьма затруднительно порой оказывается исследование диалогов по делам о педофилии. Для обозначения действий гомосексуальных половых партнеров используется жаргон, не описанный словарями субстандартной лексики, и активно используемый лишь в сети Интернет, которая не может являться источником информации при производстве судебной лингвистической экспертизы. Ввиду того, что лексемы, составляющие данный жаргон, преимущественно заимствованы из английского языка, истолковать значение ключевых слов исследуемого дискурса удается с привлечением двуязычных словарей.

4. Проблемы исследования экспрессивно-стилистической окраски слов. Еще одна проблема, связанная с использованием словарей в экспертизе, связана с расхождением стилистических помет в разных лексикографических источниках. Данная особенность словарей оказывается важной для исследований по делам об оскорблении. Как известно, законодатель определяет оскорбление как унижение лица в неприличной форме, что до сих пор порождает дискуссии относительно объема понятия «неприличная форма». В экспертном сообществе обсуждается вопрос о том, какие категории помет (стилистические или экспрессивные) должны быть положены в основу понятия. Кроме того, отсутствие единообразия в стилистической и экспрессивной квалификации слов в словарях также не способствует скорому и однозначному решению этого вопроса. Методика, разработанная в ЭКЦ МВД, предлагает считать этот вопрос нелингвистическим и оставить его на разрешение специалистов в области права. Методика, принятая в системе государственных экспертных учреждений Министерства юстиции Российской Федерации, идет по другому пути: в ней оговариваются признаки, наличие которых определяет слово как неприличное по форме. Для выявления лингвистических признаков неприличной формы слова/выражения необходимо установить, является ли данная единица обценением. Выделяются следующие признаки отнесенности языковой единицы к обценению:

– лексикографический признак: отсутствие слова/выражения в академических словарях современного русского литературного языка;

– стилистический признак: в словарях субстандартной лексики слова/выражения маркированы пометами «нецензурное»/«обцененное»/«неприличное»/«вульгарное»/«вульгарно-просторечное»;

– семантический признак: слова/выражения относятся к сексуальной/эксреторной тематике [Изотова и др.2016].

Подобный подход требует привлечения нескольких словарей литературного языка, сравнительного анализа толкований заголовочного слова, полного перечисления всех найденных словарных помет, а также сравнения словников словарей литературного языка и словарей субстандартной лексики. В качестве примера приведем анализа слова, получающего неоднозначную оценку в экспертной практике. Методика лексикографического анализа предлагает и перечень словарей, на которые следует опираться лингвисту при производстве экспертиз. При этом особенно важными следует считать словники закрытого перечня словарей литературного языка, на основании которых должен быть осуществлен первый, лексикографический этап экспертного исследования неприличной формы.

Предметно-тематический анализ показывает, что высказывание «сука» выражает общую негативную оценку лица женского пола. Данное значение позволяет установить анализ толкований значения слова.

В словарях литературного языка, рекомендованных методикой проведения лингвистической экспертизы по делам об оскорблении, приводятся следующие толкования слова «сука»:

Сука – 2. (просторечное, бранное) негодяй, мерзавец [Ожегов, Шведова 1997].

Сука – 3. (грубо-просторечное) употребляется как бранное слово [Лопатин, Лопатина 2009; Евгеньева 1999].

Слово также приводится в словарях субстандартной лексики со следующими значениями:

Сука – 2. Вульгарное. О любом человеке, вызывающем раздражение, гнев (как о подлеце, негодяе, мерзавце) [Химик 2004].

Сука – 2. Посторечное, бранное. Негодяй, мерзавец, подлец [Мокиенко, Никитина 2008].

Семантический анализ позволяет установить, что слово является зооморфной метафорой, сравнивающей человека с животным, и не относится ни к сексуальной, ни к эксреторной тематике.

Оценочно-экспрессивный анализ показывает, что исследуемая единица выражает враждебно-неуважительное, презрительное отношение к адресату. Об этом свидетельствуют стилистические пометы «бранное», «грубо-просторечное», «вульгарное» (!), свидетельствующие о принадлежности слова к специализированной группе лексем, служащих для выражения негативных эмоций высокой силы.

Употребление выражения в конфликтной коммуникативной ситуации показывает, что речевой целью высказывания является информирование о неуважительном отношении к адресату.

Таким образом, сопоставительный анализ выявляет неполное совпадение лингвистических признаков выражения с компонентами диагностического комплекса: несмотря на то, что лексема имеет стилистическую окраску сниженного стиливого

регистра, она отражена в толковых словарях и не относится к лексемам сексуально-эскреторной тематики, а значит, не имеет неприличной формы.

5. Отсутствие специализированного словаря энциклопедического типа. Последний вид проблем, связанный с применением лексикографических источников, заключается в недостаточном лексикографическом описании значительной группы лексем и семиотических комплексов, значимых для обнаружения в высказываниях признаков экстремизма [Кукушкина и др. 2011; 2014]. Современные неонацистские течения активно используют символику фашизма и создают на ее основе новые символы. Авторитетного источника, толкующего знаки экстремизма, на сегодня не существует. Экспертам рекомендовано пользоваться русской адаптацией книги шведского исследователя Хокана Гестрина "Крайне правые и их символика" [Гестрин URL], вышедшей в Стокгольме осенью 2007 года. По сравнению с первоисточником, издание содержит обширную дополнительную главу (авторы – А. Володарский, А. Тарасов), посвященную символике наиболее активных в России праворадикальных групп и движений. Такое положение дел свидетельствует о необходимости создания отраслевого энциклопедического словаря, дающего культурологическое, историческое, политологическое объяснение вербальным и невербальным комплексам, вовлеченным в так называемый экстремистский дискурс.

Литература

- Апресян Ю.Д., Апресян В.Ю., Богуславская О.Ю., Крылова Т.В., Левонтина И.Б., Урысон Е.В. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Изд. 2, исправленное и дополненное. Под общим руководством академика Ю.Д. Апресяна. М., 2004.
- Варавина Е.В. Первый толковый большой энциклопедический словарь. Спб. – М., 2006.
- Гестрин Х. Крайние правые и их символика. [URL: <http://www.magenta.nl/misc/sh/index.html>]
- Изотова Т.М., Кузнецов В.О., Плотникова А.М. Судебная лингвистическая экспертиза по делам об оскорблении. Научно-информационное пособие для экспертов. М., 2016.
- Квеселевич Д.И. Большой словарь ненормативной русской лексики. М., 2005.
- Кузнецов С.А. Большой толковый словарь русского языка. Спб., 1998.
- Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Методика проведения судебной психолого-лингвистической экспертизы материалов по делам, связанным с противодействием экстремизму и терроризму. М., 2014.
- Кукушкина О.В., Сафонова Ю.А., Секераж Т.Н. Теоретические и методические основы производства судебной психолого-лингвистической экспертизы текстов по делам, связанным с противодействием экстремизму. М., 2011.
- Лопатин В.В., Лопатина Л.Е. Толковый словарь современного русского языка. М., 2009.
- Мокиенко В.Н., Никитина Т.Г. Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь. М., 2008.
- Национальный корпус русского языка. [URL: www.ruscorpora.ru]
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1997.
- Словарь русского языка: В 4-х т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А.П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М., 1999.
- Скляревская Г.Н. Толковый словарь русского языка начала XXI века: актуальная лексика. М., 2007.
- Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь русского языка. Современная редакция. М., 2014.
- Химик В.В. Большой словарь русской разговорной речи. Спб., 2004.
- Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка). М., 1984.

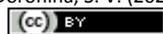
References

- Apresyan, Yu.D., Apresyan, V.Yu., Boguslavskaya, O.Yu., Krylova, T.V., Levontina, I.B., Uryson, E.V. (2004). *New explanatory dictionary of synonyms of the Russian language. Ed. 2, revised and supplemented. Under the general guidance of Academician Yu.D. Apresyan. Moscow (In Russian).*
- Chimik, V.V. (2004) *A large dictionary of Russian colloquial speech. St. Petersburg – Moscow. (In Russian).*
- Evgenieva, A.P. (1999) *Dictionary of the Russian language: In 4 volumes. 4th ed. Moscow. (In Russian).*
- Izotova, T.M., Kuznetsov, V.O., Plotnikova, A.M. (2016) *Forensic linguistic examination in cases of insult. Scientific informational guide for experts. Moscow (In Russian).*
- Gestrin, H. *The extreme right and their symbolism.* [URL: <http://www.magenta.nl/misc/sh/index.html>] (In Russian).
- Kveselevich, D.I. (2005) *A large dictionary of profanity Russian vocabulary. Moscow (In Russian).*
- Kuznetsov, S.A. (1998) *Great Dictionary of Russian language. St. Petersburg (In Russian).*
- Kukushkina, O.V., Safonova, Yu.A., Sekerazh, T.N. (2014) *Methodology for conducting a forensic psychological and linguistic examination of materials in cases related to countering extremism and terrorism. Moscow (In Russian).*
- Kukushkina, O.V., Safonova, Yu.A., Sekerazh, T.N. (2011) *Theoretical and methodological foundations for the production of a forensic psychological and linguistic examination of texts in cases related to countering extremism. Moscow (In Russian).*
- Lopatin, V.V., Lopatina, L.E. (2009) *Explanatory dictionary of the modern Russian language. Moscow (In Russian).*
- Mokienko, V.N., Nikitina, T.G. (2008) *Russian foul language. Concise but expressive vocabulary. Moscow (In Russian).*
- National corpus of the Russian language.* [URL: www.ruscorpora.ru] (In Russian).
- Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu. (1997) *Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow (In Russian).*
- Sklyarevskaya, G.N. (2007) *Explanatory dictionary of the Russian language at the beginning of the XXI century: actual vocabulary. Moscow (In Russian).*
- Shmelev, D.N. (1984) *Problems of semantic analysis of vocabulary (based on the Russian language). Moscow (In Russian).*
- Ushakov, D.N. (2014) *Big Explanatory Dictionary of the Russian Language. Modern edition. Moscow. (In Russian).*
- Varavina, E.V. (2006) *The first explanatory large encyclopedic dictionary. St. Petersburg (In Russian).*

Citation:

Доронина С.В. Лексикографические источники как инструмент эксперта-лингвиста. // Юрислингвистика. – 2021. – 19. – 28-31

Doronina, S. V. (2021). Lexicographic Sources as a Tool for a Forensic Examiner. *Legal Linguistics*, 19, 28-31.

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0. License

Подписано в печать 21.03.2021 г.

Дата публикации издания 01.04.2021 г.

Адрес издательства: 656049, Алтайский край, г. Барнаул, пр. Ленина, 61.

© Алтайский государственный университет, 2021